

Лууч-2

Паутина реальности

РС 04'15

Варлашин Сергей

Сергей Варлашин

Лууч-2. Паутина реальности

«Издательские решения»

Варлашин С. А.

Лууч-2. Паутина реальности / С. А. Варлашин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905011-3

Прошло девять лет с тех пор, как Лууч попал в новый мир, освоил шаманские практики и мистерии. На двадцать первом году жизни он окончательно повзрослел, но психическая нагрузка временного расставания с любовью всей жизни изменила его. Шаман отправляет своего ученика поправить психическое здоровье в тайную крепость Керионен. По выздоровлении от главы крепости Лууч узнаёт свою главную миссию, заключающуюся в предотвращении войны против второго по величине королевства Олве-Харсаммия.

ISBN 978-5-44-905011-3

© Варлашин С. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Керионен	6
Глава 2 Лечение	17
Глава 3 Выздоровление	28
Глава 4 Возвращение	37
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Лууч-2. Паутина реальности

Сергей Александрович Варлашин

Иллюстратор Сергей Александрович Варлашин

© Сергей Александрович Варлашин, 2019

© Сергей Александрович Варлашин, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4490-5011-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В мире не было и нет, ни одного доказательства, подтверждающего действительность нашей реальности.

Глава 1 Керионен

С тех самых пор, как я повстречал самую красивую в мирах девушку, имя которой Вильгельмина Плеч Морита Ла Влакар, минуло девять лет. Благодаря урокам и знаниям, полученным от моего наставника и мудрого учителя, шамана КерукЭде, я окреп телом, наполнился духом, а сознание мое стало яснее неба. Яснее чем когда либо. Он научил меня всему, что знал сам. Передал мне через особые практики по линии преемственности – духовные знания накопленные древними святыми предками. Бережно, накапливаемые шаманами. Передаваемые, от наставника к ученику. Пока первый не выйдет за пределы мира, чтобы больше не возвратится в него. Никогда. Моей главной задачей, было и будет выходить в тайный мир, по мере того как он сам будет впускать в себя, пока я не научусь в самодостаточной степени, пребывать в нём неисчислимо долго. Приходить и уходить из него по своему желанию.

Хоть я и не достиг полной зрелости, в которой меня можно будет самого назвать полноценным шаманом, отношения с противоположным полом, мне было разрешено иметь. Возраст полной зрелости, то есть возраст молодого шамана, это тридцать лет. Возраст ученика, серьёзно становящегося на путь шамана, начинается девятью годами ранее. КерукЭде называл наступивший возрастной порог, в шутку, серебряным возрастом, потому что хрустальный возраст, возраст чистоты, у меня закончился с того момента, как я овладел телом своей возлюбленной девушки. Стоило мне слиться в любви, с моей любимой Вильгельминой, в день ее рождения, наступления восемнадцати лет, как она уехала в высшее учебное заведение. Вернее её туда увезли. Оно представляет собой академию для девочек, с условным названием – Туманное. Настоящего названия в миру, оно не имеет. Оно известно только среди посвящённых. Меня в его тайны нельзя было посвящать, потому что я был другого пола. Вообще всё, что я узнал, было поведано мне от учителя в строжайшей тайне, чтобы я просто не сошёл с ума, от горя.

По моей версии, нас коварно разделили, спустя девять лет самого чистого и искреннего в мире, моего и её романа, на следующий же день, как он перерос в любовный. Мой разум изрядно помутился, не смотря на все практики и приёмы используемые КерукЭде. Он отметил, что я заболел самой серьёзной болезнью этого мира. Теперь я, говорил он, безнадежно болен, потому что влюблён. Я же напротив, убеждал его в неадекватности этого мира и всех решений, которые исходят от него, моего главного наставника. За что и был отправлен через неделю, после отъезда Вильгельмины, в город Керионен, чтобы поправить пошатнувшееся психическое здоровье. Там мне должны были помочь, вылечить недуг сердца, разума и ума – под названием любовь. Через неделю после отъезда Вильгельмины, КерукЭде позвал меня вечером.

– Садись Лууч. Нам надо с тобой серьёзно поговорить.

– Да КерукЭде, – сел я рядом, в саду, на скамью, на которой мы частенько сидели летними и тёплыми, весенними и осенними вечерами.

– Я знаю, ты стал настоящим мужчиной и был готов взять в жёны полюбившуюся тебе благородную девушку неземной красоты. Дочь Головуса, Вильгельмину Плеч Мориту Ла Влакар.

– Это так КерукЭде.

– Но её предначертание ушло дальше твоих и её планов на этот счет. Потому ты вынужден будешь дожидаться её возвращения.

– Насколько долгим будет этот срок?

– Время нельзя измерить, оно текучее и непостоянное. Потому нельзя сказать наверняка, сколько лично Вильгельмине понадобится времени, чтобы пройти обучение до конца. Одно я знаю наверняка, на это точно уйдут годы.

– Я буду ждать, – с чувством ответил я.

– Я знаю Лууч. Лучше тебя знаю. Ты будешь ждать. Но дух безумия, закрадывается в тебе с момента расставания. Он уже переполняет тебя и завладевает тобой. Несмотря на твою личную силу и мое пристальное внимание. Потому будет лучше для тебя отдохнуть. Как это называется в твоём мире – «взять отпуск», – он усмехнулся.

От его слов, я вспомнил, как её увозила на рассвете белая карета. Вместо того чтобы посмеяться, как это мастерски делал раньше, вместе с шаманом, я горько завыл. Вспомнил, как она роняла слёзы на алые щёки, от горя и недоумения. Молча махала мне рукой с васильковым платочком и смотрела на меня всю дорогу в открытое овальное оконце. Сквозь полупрозрачные занавески. Её длинные пшеничные косы, подвязанные, красными лентами развевались на ветру. Я бежал за ней следом, несколько часов, карета все удалялась и удалялась. От чересчур быстрого бега, я потерял один сапог. Вбежав на очередной холм, по которому вела дорога, я сильно запыхался и на спуске с него поскользнулся. Упал, прокатился кубарем с десятков ярдов. Уткнулся лицом в грязь, а когда поднялся и понял, что не в состоянии бежать дальше, закричал с невыразимой болью её имя. Она услышала, и я заметил, как из удаляющейся вдалеке кареты, выпорхнул синей птицей её платок. Прихрамывая, я побежал за ней и спустя десять минут, отыскал его в высокой придорожной траве.

С истоптанной без сапога стопой, я вернулся в Малахоню, только к вечеру. Я зашёл в дом. Меня увидели КерукЭде и ХайСыл. Они собирались ужинать. На мне не было лица. С засохшей грязью на одежде и теле, весь в пыли, не умываясь и не раздеваясь, я прошёл в свою комнату и там пролежал несколько дней, без сна и чувств. В последующие четыре дня, ХайСыл все же заставил меня сделать омовение и переодеться. Я ходил за ним, даже помогал ему в работе по дому, но страдальческое выражение неуёмной грусти на моем лице, не давали ему и шаману покоя.

По указанию шамана, ХайСыл отправил послание вместе с вороном в Керионен. Через три дня за мной прибыла чёрная карета и тройка породистых вороных лошадей. Стояла полная луна. Высокая карета с очень высокими и крупными лошадьми прибыла в полночь. Над её дверью висел один единственный фонарь, с тусклым оранжевым светом, горящей масляной лампы. Света луны было достаточно, чтобы всё хорошо видеть в ночи. Кучер, укутанный в длинный чёрный плащ, с высоким стоячим воротником, закрывающим лицо и голову широкополой шляпой, молча кивнул нам. ХайСыл открыл дверь, поставил мою походную сумку внутрь, а потом предложил зайти самому. Мы молча пожали друг другу руки. Обнялись на дороге, как родные братья.

– Готов? – спросил он.

– Да, – смиряясь с наставлением КерукЭде, сказал я.

– Тогда в добрый путь.

Карета рванула с места неожиданно быстро. Так что я едва успел помахать на прощание ХайСыл рукой, сквозь разноцветное, расписное стекло дверцы. Стремительное её движение, по инерции бросило меня на сиденье. Ставшая почти родной, деревня Малахоня, быстро исчезла из виду. За ней замелькали чёрные в свете луны, стволы деревьев, наступившего на нас леса. Всю дорогу нас сопровождали крики совы. Будто одна и та же сова преследовала нас или как если бы по пути было расставлено огромное количество сов в ряд. Примерно каждую минуту я слышал совиный крик. Скорость кареты росла, с невообразимо высокой скоростью. Сначала тряска усилилась неимоверно сильно. Мне стало некомфортно сидеть, хоть сиденья были мягкие. Вскоре крик совы пропал. Вместо него мои уши наполнились свистом ветра и мелким дребезгом стекла в окошках. Я приставил руку к окну и через пальцы, мне передавалась мелкая вибрация. За цветным стеклом уже ничего нельзя было рассмотреть, кроме размазанного сияния полной луны.

Мне стало холодно. Из рта у меня шёл пар, хоть на дворе был тёплый сентябрь. Укутавшись с головой во всевозможные меха и пледы, которые я нашёл при лунном свете, на сиде-

нях напротив, понемногу стал согреваться. Мне снилась Вильгельмина. Она радостно смеялась. Это была наша совместная прогулка года три назад, по Малахоне летом. Мы держались за руки. Я ей рассказывал про наши очередные похождения с ХайСыл, это всегда её сильно забавляло. Смеялась надо мной, над ХайСыл, над ситуациями, в которые мы постоянно влипали. Она вообще часто смеялась. Я смеялся вместе с ней. Это был первый раз, когда я её поцеловал в губы, прижав к молодому тунгитному дереву в стороне от дороги. Она назвала меня чудачком. У них не принято целоваться в губы. Это конечно делают, но не многие. Этот жест у них заменяется нежным поглаживанием запястьев. Мы еще долго простояли так, целуясь, а потом она сказала, но не то, что я от неё ожидал. Не то, что было в действительности, три года тому назад.

– Берегись снега Лууч. Берегись снега.

Я прижал её сильнее, чтобы она не говорила внеплановые речи. Я ожидал услышать, как она начнет смеяться и закрывать мне глаза ладошками. Как было когда то. Она действительно закрыла мне глаза, а когда убрала ладони, я увидел тусклый свет и услышал отчетливо её смех. Хотя я уже проснулся, звонкий весёлый смех её застыл у меня в ушах. Свет шёл сквозь плед на моём лице. Легко встав, я огляделся. Сумеречно и холодно. Проспал до утра. Где же мы, уже приехали? Я выглянул в окно, вокруг меня везде лежал снег. Белый ровный снег. Из-за большого обилия заснеженных молодых и старых, елей и сосен, я не видел дальше двадцати шагов. Белая стена, попеременно с хвойными ветками и редкими замерзшими чёрными кустарниками преграждала обзор, с двух сторон дороги.

Я вышел на улицу, прямо с клетчатым пледом на плечах. Небо серое, плотно затянуто облаками. В летнем самохвате и сапогах, стоять на дороге было весьма холодно. Я обошел карету вокруг, но не нашёл никаких следов. Кроме своих, когда замкнул круг. Идя мимо лошадей, я хотел погладить одну из них по морде, поправить ей длинную смолянистую чёлку, лежащую на глазах. Когда я протянул руку к одной из них, она привстала на дыбы и заржала так враждебно, что я отскочил. Извозчика нигде не было. Позади нас были две ровные глубокие полосы в снегу. От колес кареты. Они были достаточно высокими, чтобы не тонуть в снегу, хоть на моей исторической родине, такое не практиковалось, при таком большом уровне снега. Между углублениями от колёс, отчетливо различались, ровные углубления от копыт тройки вороных лошадей.

– Чтобы это всё могло значить друзья мои? – заговорил я с лошадьми и принялся наглаживать подбородок.

Кучера нет. Следов его тоже нет. В пути он что-ли затерялся? А лошади по инерции пробежались вперед, не заметив потери хозяина, а потом устали и встали. Эти не устанут, видно по ним, с них станется ещё пару дней бежать. Тогда почему встали? Стало быть, выучка у них такая. Так не пойдёт. Надо вернуться и найти потерянного кучера.

– Слышите? уважаемые лошади! Так не пойдёт. Мы сейчас вернёмся и отыщем вашего хозяина, – на этом напутствии я вскарабкался по лесенке, на место кучера.

Взял поводья, слегка дернул. Лошади никак не прореагировали. Дёрнул сильнее, ноль внимания. За мной, на сиденье, висел кнут. Им я не стал пользоваться из морально этических соображений. В силу любви к животным. Я решил сменить тон.

– Ну же, родимые. Нам надо спасти вашего хозяина. Он сейчас лежит, где-нибудь в снегу, со сломанной ногой, или веткой в груди. Замерзает, ждёт, когда мы явимся за ним. Пошли мои хорошие, – казалось, они к чему-то прислушиваются, поводя ушами в разные стороны, но только не ко мне.

Послышался тихий шелест и глухой хруст мягкого снега. За окном примерно нулевая температура, потому можно по снежному покрову, можно ходить почти бесшумно. Шаги тонут, гасят с собой все звуки. Я натянул поводья сильнее. Ожидая сопротивления, слегка подергал. Поводья натянулись, и карета пришла в движение. Вороные сдвинулись с мёртвой

точки, перешли на лёгкую рысь. Теперь донёсся отчётливый скрежет когтей по камню. Я даже схватился за рукоять кинжала. Напряжение растёт сильнее и быстрее с каждой секундой, когда не знаешь чего ждать.

– Вот и хорошо, родимые. Только нам с вами в обратную сторону, – нехотя сказал я им, останавливаясь, а тем более возвращаться, мне совсем не хотелось

Я стал стопорить поводья, но они абсолютно не слушались моих бессловных команд. Напротив набрали скорость, а через пару минут остановились. За поворотом, рядом с огромными валунами, обрушившимися справа, стоял кучер. Было видно, что он расчистил нам путь. Он убирал последний камень с дороги. По величине он был с дикую козу. Глядя на то, как он легко и ловко его приподнял, а потом закинул в груды других таких же, и даже в пару раз больших размером камней, я не вольно, шумно выдохнул. В этот момент кучер посмотрел на меня. Из-за высокого воротника я не увидел его лица, а из-за низко надвинутой шляпы – глаз. Представляю, какой не дюжей физической силой он обладал, раз играючи раскидал в одиночку весь завал. Он указал мне пальцем на карету. Всё верно, мое место там, а его здесь. Я быстро вернулся обратно и закутался в меха. Здесь действительно уютнее.

Карета тронулась, и мы поехали дальше. Был обвал, значит мы в горах. Обводя глазами место бывшего обвала, я вновь не смог найти следов кучера. Эта мысль насторожила меня. Я ведь видел его там, видел, как он ходил. Но почему не было ни единого следа? Продолжая наблюдать за окном лес, я заметил редкие парные жёлтые глаза. Волков я не боялся. Приходилось с ними встречаться весьма часто, за пределами Малахони. С Головусом и с его дочерью, и с ХайСыл, и в одиночку. С ними можно было договориться. Однако это были не волки. Одна тварь подобралась ближе, и я заметил, что её зрачки располагались горизонтально. А огромные глазные яблоки имеют скорее оранжевый цвет. Холодок забрался мне под самохват, а потом внутрь груди. Я бы запер двери, но на них не было замков. Тогда я достал ремень с походной сумки и обвязал им две ручки между собой, чтобы с наружи их нельзя было открыть.

Я обернулся назад, они преследовали нас. Не быстро, с нашей скоростью. Бежали промеж деревьев и почти не роняли снега с ветвей. Голову одного я успел смутно рассмотреть, когда он мелькнул неосторожно близко рядом с каретой. Неосторожно близко, потому что я мог, в любой момент поразить его выстрелом из рогатки. На его волосатой голове, были длинные острые уши, редкие длинные клыки свисали из под чёрных губ. Хорошо, что извозчик не пропал. Очевидно, они хотели напасть, но не решались.

Блеск глаз из сгущающейся темноты, вскоре мне надоел. Я перестал обращать на них внимание. Темнеет, следовательно, я проспал всю ночь, утро и день. Сонное настроение одолело меня. С чего бы вдруг, может вправду, болен я? Решив не углубляться в эту тему и вообще не придавать ей значения, я принялся рассматривать открывающиеся виды. Карета пошла вверх. Наклоняясь все резче и резче. С такими успехами, мы скоро вертикально вверх будем ехать. Виды на горные заснеженные дали были потрясающими. К нам шла чёрная туча, закрывая собой весь горизонт. Она несла метель. Луна спряталась. Мощный ветер настиг нас. Мгла застлала все вокруг. Огромные хлопья, густыми массами низвергались с неба. Норовили засыпать и без того, заснеженную выше некуда дорогу. Мерцающий фонарик, над дверью шатался так сильно, что я думал, мы его потеряем. Но нет, он даже не потух. Скорее напротив, он светил ярче, с наступлением тьмы, освещая теплым жёлто-оранжевым светом, беснующиеся хороводы снежинок. Твари пропали из виду. У всего есть положительная сторона.

Впереди замаячили редкие огни. Мы приближались. Дорога выровнялась. Высокие столбы, часто уставленные вокруг каменной крепости, горели настоящим огнём. Освещая всё вокруг. Наш единственный источник света померк на их фоне, на первых же подъездах. Нас встретили зажжёнными огнями у ворот и протяжным, низким трубным гулом. Мы приблизились, горнист повторил сигнал. Высокие, обитые толстым, кованым железом ворота, открылись. Карета въехала внутрь, развернулась и остановилась. Я развязал двери и открыл

одну, сбив сугроб с приступка и ступенек. Спустился, осмотрелся. Кучер не спешил следовать за мной. Снег под ногами сразу стал таять. Внутри крепости было немного теплее. Около десяти градусов, не больше. На стенах, в факелах чадил огонь. Меня встретил высокий мужчина в длинной багровой хламиде. Лицо у него было вполне обычное, а голову и глаза покрывал чёрный платок. Он был умело, намотан в несколько слоев, закрывая глаза. Он дал мне знак рукой, чтобы я следовал за ним.

Следуя запутанными для непосвящённого тоннелями, я осматривал все в подробностях. Провожатый шёл не быстро. Факелы горели ярко, но не коптили. Скорее всего, пропитаны маслом. Звук пламени, перемешивался с эхом наших шагов. Постоянная капель, идущая с потолка и стен, сливалась в ручейки. В целом вода отводилась через специальные желоба, выточенные в камне. Потолки из тёсаного камня, сменились на естественные пещеры. Значит, крепость примыкала к горе, а не просто стояла особняком. В ночную метель, этого было не понять. Освещение закончилось. Провожатый снял со стены последний факел и вручил мне. Сам пошёл впереди, без факела.

Коридоры сменились на усыпальницы. Пламя высвечивало стены, и особенности плавно переходящих сводов в потолок. В первой усыпальнице, каменные гробы стояли на полу в два ряда. В следующей, гробы стояли вертикально, в округлых углублениях. Они были приторочены цепями к стенам. На случай, чтобы не упали, или чтобы содержимое не вылезло? Мне осталось непонятно. Спрашивать я не рискнул. Все равно не ответит, а за дурной тон приме, это вероятнее. По полу вился туман. Мы шли по колено в белёсом тумане. Следует предположить, что это самый нижний уровень в крепости. Сырость и холод заставили меня поёжиться, плесневелый запах, застоявшийся воздух, казалось, пропитали мои ноздри, волосы и одежду. Я шёл, стараясь не запнуться, о выступающие местами камни из пола.

По неясному чувству и холодку, пробежавшему по спине, я обернулся. Сзади меня закрубились тот самый туман и стал вырастать в высокую человеческую фигуру. Проступили развеянные, как под водой длинные волосы, полы длинного старинного платья, глаза. Туманное видение открыло рот. Я на момент обернулся, чтобы посмотреть, как далеко ушел провожатый. Он не далеко ушел, когда я повернулся обратно, видение потеряло ясные очертания и маленьким облаком опускалось на пол. Пospешив, я догнал сопровождающего и больше старался не отставать. Усыпальницы закончились, и мы долго шли по вертикальной, завивающейся, каменной лестнице вверх. Пока она не привела нас, в огромную парадную. За парадной, располагалась широкая застеклённая терраса. Интерьер был строгий, но уютный. Каменные стены, редкая, вычурная, деревянная мебель. Железная люстра, подставки под светильники. Огромный камин напротив, полыхал в полную силу, он и привлек мое внимание.

Сзади бесшумно, ко мне подошёл мужчина, возраста примерно тридцати пяти лет. Жестом отправил провожатого удалиться. Стоя у камина, я наконец немного стал согреваться и приходить в себя. Подошедший ко мне незнакомец имел длинную гриву, темно каштановых выющихся волос и довольно свежую аккуратную бородку с усами. Глаза его были карими, ясными и большими. Он был одет в длинный до пола коричневый плащ, темно синий бархатный костюм, белую рубашку и старинный, сапфировый галстук поверх неё.

– Рад встрече с тобой дорогой друг, – подошёл он совсем близко ко мне и пожал мою руку одновременно двумя руками.

Сквозь свои замшевые и его велюровые перчатки я почувствовал его холодные руки.

– Я тоже рад встрече, меня зовут Лууч. Меня прислал к вам в крепость Керионен, Керук-Эде.

– О, я осведомлён о твоём приезде, и ждал тебя, – он отпустил мою руку, предложил садиться в большое кожаное кресло, напротив камина. – Меня зовут Велимудр Ясный. Из письма от КерукЭде, я понял, что тебя настигла большая беда. Я готов и хочу протянуть руку помощи. Помочь тебе вылечиться от твоей болезни.

– Я не болен. Просто влюблён, в одну восхитительную особу.

– В самой любви нет ничего плохо. Но помешательство на любовной почве – дело другое.

Вы люди, неправильно трактуете понятие любовь.

– Ты говоришь «вы люди», получается ты не человек. Смеею предположить ты вампир?

– Я отчасти человек. Но не вампир. Тебе вообще доводилось видеть вампиров?

– Да, было дело, – при воспоминании Винцеанна Севастьяна у меня пробежали мурашки. – Пару раз.

– Редко кому в наши дни доводилось их видеть и остаться в живых, – я решил не говорить, больше ничего о своём знакомстве и почти дружбе с представителем расы вампиров. – Ты большой счастливчик Лууч. По-твоему, я пресловутый вампир?

– Ты пожалуй, нет, а твои слуги, весьма на них похожи.

– О дорогой друг, они представители одного семейства. Они всегда было при моём роде. Другими, помощниками, слугами. У них наследственный скверный характер и странности в поведении, но вернее их, не найти на белом свете. Прошу великодушно, не бойся их.

– Их я не боюсь. Больше меня смущают те звери, которые преследовали нас в пути.

– Их тоже можешь тоже не бояться. Они не решаются подходить к крепости. Тем более мы всегда освещаем её периметр огнём, а они его боятся. Мы их называем – остроухи. Впрочем, большую опасность представляют их острые когти и зубы. Они всегда здесь были. Мы их всех не перебили, только по той причине, что они отлично отпугивают незваных гостей.

– Ну, ещё у них забавные ушки, вы уж не убивайте их и дальше. Особенно всех.

– Вижу, они тебе понравились, редкое явление среди людей. Значит, ты найдёшь общий язык со мной и моим семейством.

– Выходит, теперь я ваш пациент.

– В первую очередь ты званный гость. А потом уже всё остальное. Ещё, я должен буду тебя кое-чему научить, по настоянию КерукЭде, но об этом позже. Для меня и моего семейства, честь принять тебя в своём логове.

– Что это вообще за уютное место такое? У него есть история и откуда оно взялось?

– Крепость Керионен. Керионен – имя моего древнейшего предка, основавшего это место. Потом уже, его внуки от связей детей с простыми смертными, спустились и основали сам город. В честь деда. Город лежит далеко внизу. Там живут почти люди, им неведом лютый холод и жизнь в горах. Настоящие его предки все здесь. Нас можно пересчитать по пальцам обеих рук. Мы одни тут правим всем. Наши земли тянутся далеко во все стороны. Даже в ясную погоду, с высоты крепости их не покрыть взглядом. Мы тут правим свой бал. Лета у нас не бывает. Снег лежит круглый год. Немного оттаёт и опять засыпает. Так и живём, в условиях постоянного холода. Но у нас у всех есть одна черта, мы не чураемся холода, потому он не может нанести нам вреда. Напротив он сохраняет всё в чистоте и свежести, в том числе наши тела. Мы любим кристаллическую чистоту горного снега. Мы находимся высоко в горах, потому здесь всегда лежит снег. Обаче, на холод никто не жалуется.

– Познакомишь меня со своим семейством?

– Да конечно, но не сегодня. На дворе глубокая ночь. Тебе пора отдохнуть с дороги. Я вижу, как сладко ты зеваешь, – он улыбнулся.

– Ты прав Велимудр. Я безумно хочу, скорее лечь спать.

– Вот видишь Лууч. Ты даже спать хочешь «безумно». Но ничего мы восстановим твоё психическое и ментальное здоровье. Можешь быть уверен, – он посмотрел назад. – Разрешить представить тебе мою дочь. Балемила, пожалуйста, познакомься с нашим гостем. Он здесь впервые, его зовут Лууч.

Я обернулся. Сзади меня стояла невысокая девушка, примерно восемнадцати лет. С длинными до колен, чёрными и прямыми волосами. На ней было одето, очень простое, снежно белое платье, с кружевами по краю подола.

– Очень приятно Балемила, – сказал я.

– Весьма рада знакомству, Лууч, – едва приподняла она, своё платье и сделала кроткий поклон.

– Будь добра, Балемила, проводи Лууча, до его покоев, раз уж ты здесь. Ему будет приятно, – сказал Велимудр, вставая, я встал вместе с ним.

– Мне тоже будет приятно, показать ему перед сном, часть нашего дома, папи, – ответила ангельским голосом Балемила.

– До скорой встречи дорогой друг. Отдыхай столько, сколько сочтёшь нужным, это часть излечения от всех напастей.

– Благодарю за радушный и тёплый прием Велимудр.

Мы расстались. Балемила повела меня к моим покоям. Стоило нам покинуть, хорошо натопленную парадную, как я почувствовал лютый холод. Температура в коридоре опустилась градусов до трёх, не выше. Я кое-как, сдерживался, чтобы не стучать зубами и не дрожать. Походную сумку я повесил на плечо. Руки погрузил в рукава и засунул в карманы. Новая провожатая, шла ровным шагом, ни как, не реагируя на резкую перемену температуры. Может быть, это мне после близости с камином так холодно? Скорее всего, из-за разницы температур.

– Ты у нас надолго, – не, то сказала, не то спросила Балемила.

– Это зависит от решения главного штаб-лекаря.

– Ты надолго, – ещё более уверенно ответила Балемила.

– Тебе виднее милая Балемила.

– Вот мы и пришли. Проходи, я покажу тебе, где что лежит.

– Славно, давай, – в открытую дверь сильно повеяло теплом натопленных комнат, от тепла меня сильно клонило в сон, я зевал и не пытался скрыть это, дорога меня действительно измотала.

– Вот твоя кровать и взбитая перина. Стопка дополнительных одеял и подушек. Там на столе кувшин с водой и тарелка с фруктами, если ты проголодаешься ночью. Ванная комната там. Уборная там, – я уже порядком устал и усилием воли заставлял себя не закрыть глаза, сидя на кровати. – На балкон ты наверно не пойдёшь, он вот за этими шторами, ты найдёшь и его при надобности. Камин будет гореть всю ночь, до самого утра. Можешь не подкладывать дров.

Я слушал её, и казалось, понимал, что она говорит. Пока не обнаружил, лежащим себя на кровати. Балемила сидела рядом. Сняла с меня сапоги, потом самохват. Это и было главной причиной моего пробуждения.

– Мне холодно, – тихо сказала Балемила. – Я полежу немного с тобой под одеялом.

Я не сопротивлялся, когда она залезла ко мне под одеяло нагая. Нас сопротивление тоже нужны силы, у меня их не было. Сам я тоже лежал нагим. Она обняла меня сзади, и прижалась всем телом. Её ледяные ноги и пальцы постепенно отогревались. Я лишь нащупал подушку и притянул к себе на голову одеяло, кутая нас обоих. Затем окончательно провалился в крепкий сон без сновидений. Когда сильно устанешь, можно сомкнуть на минуту глаза, а проснуться спустя ночную норму времени. Так вышло и в этот раз. Я проснулся. Повернулся, потянулся и почувствовал запах Балемины на другом краю подушки. Ну, дела. Встал, утонул в мягком ковре и прошёл в ванную комнату.

Меня ждал настоящий сюрприз. Передо мной, посередине комнаты, стояла огромная и глубокая, сияющая золотисто-медным блеском ванная. Я залез в неё целиком, и по очереди стал выкручивать краны, подходящие в неё из пола, на длинных толстых медных трубах. Лёг почти в полный рост и перекрыл воду, когда она дошла мне до плеч. На краю ванны лежала записка, адресованная мне. Беглым подчерком с завитками, было написано приглашение на завтрак и нарисована схема движения по дому, до столовой. Подпись Балемила. Надо было еще рядом через тире дописать – «шалунья». Используя схему, я быстро нашёл столовую и пришёл к завтраку, когда все уже закончили трапезу. Во главе длинного стола сидел глава

семейства Велимудр, рядом с ним красивая женщина, похожая на него. Она была в пышном голубом платье, с длинными вьющимися волосами, цвета спелых каштанов.

По правую руку от Велимудра, в ряд сидели шестеро сыновей. Ближе всего к нему сидели старшие сыновья. На вид, старший сын был мне ровесник. Младшему не более четырнадцати. Со стороны матери сидело семь дочерей. Старшей, на вид, было не более двадцати трех-двадцати пяти лет. Младшей, не менее шестнадцати.

– Доброе утро и мир вашему дому, – с порога заявил я о своем присутствии.

– Доброе утро милый юноша Лууч. Велимудр мне о тебе рассказывал. Я рада лично с тобой познакомиться. Прошу садись скорее с нами, будем завтракать.

Велимудр улыбнулся, кивнул и показал мне место напротив, таким образом, я замкнул стол.

– Доброе утро сударыня. Как же мне обращаться, – я не успел договорить.

– Меня зовут Вестина. – ответила сударыня. – Это мои дочери: Драгана, Желана, Злата, Синеока, Мира, Балемила, Белава.

Все они по очереди кивнули мне, Балемила, кивая, улыбнулась, и я не подавляя желания, улыбнулся в ответ. Делая вид, что улыбаюсь всем сразу. Хоть между нами ночью не приключилось ничего предосудительного. Мы просто спали вместе. Тем не менее, мне было неловко смотреть ей в глаза. Балемила, однако, не показывала ровно никакого вида смущения и оставалась, весьма спокойна и благодушна.

– Необычайно рад знакомству сударыни, – сказал я.

– А это мои сыновья, – молодые мужи, были в разноцветных рубахах, она опять начала со старшего. – Могута, Люборад, Добрыня, Белимир, Деян, Младен.

– Здрaвы будeте, добры молодцы, – нашёлся я.

Добры молодцы уважительно поклонились. Я тоже отвесил поклон.

– Ну да полно знакомств, Лууч, – вступил с речью Велимудр. – Я чувствую, ты непомерно голоден. Прошу угощайся скорее. Приятного аппетита.

– Благодарю Велимудр за радушный приём. Я действительно очень голоден и если вы не возражаете, то я немного помолчу и как следует поем, – я принялся за еду.

Пока я налегал на яства, плотно уставленные на столе, то поочерёдно смотрел на всё семейство в сборе. Хоть все они и были одной семьёй, сходства были очевидны, но всё равно все были очень разными. Все дочери и сыновья имели длинные волосы. Ребят отличала борода, но она была не у всех. Драгана, старшая дочь, была на вид двадцати трех лет, тоже брюнетка, как и Балемила, но с длинными вьющимися волосами. Очень высокая, стройная и глазастая. Желана на вид около двадцати лет, была шатенка в маму, с карими как у отца глазами. Злата, примерно на год младше Желаны, радовала толстыми золотыми косами и чёрными глазами. Русая Синеока, примерно восемнадцати лет, носила волосы на строгий пробор по середине, имела глаза василькового цвета и больше всего мне напоминала возлюбленную Вильгельмину. Огненноволосая Мира, рыжей которой я не видел даже кошек и лис, хитрыми глазками смотрела на меня почти безотрывно. Хорошо, что я был голоден и не обращал на это внимание, иначе давно бы смутился. Ей бы я дал не больше семнадцати. Балемила, сидящая рядом с ней, больше не провоцировала меня своей интригующей улыбкой. Она складывала пальцы домиком, а потом раскладывала обратно, будто колдуя. Рядом с ней сидела её точная копия, Белава. Она отличалась только более спокойным выражением лица и белоснежными прямыми волосами и синими глазами. В остальном я бы не смог их отличить.

В столовой было тепло, но я всё равно замёрз. Они беседовали о дровнице, что её надо бы пополнить на этой неделе. О завалах снега вокруг крепости. Сыновья пестовали на то, что слуг вовремя не найти, а снега становиться всё больше. Из разговоров я узнал, как у них с сентября начинается самая настоящая зима с обильными снегопадами и следует к ней капитально подготовиться. Велимудр раздавал сыновьям мелкие поручения, в основном по части управления

определенной областью крепости. Кому то досталось следить за двором, кому то за конюшней, Самому старшему досталась самая ответственная работа, вырубить все сухие деревья над крепостью, чтобы они от тяжести снега не повалились на крышу. Девушкам, Вестина указала, где они будут заниматься рукоделием, вязанием, живописью, пением, а где стоит пересмотреть особенности интерьера и освежить занавески. Когда я неприлично наелся до отвала, и готов был упасть прямо здесь и сейчас, и заснуть до обеда, очередь дошла и до меня.

– Лууч. Сегодня, ты пойдёшь на живительные источники, будешь пить их там час или два. На сколько тебя хватит, а потом возьмёшь с собой немного, понравившейся, в глиняном сосуде. Это и будет твой первый день оздоровительной программы.

– Я за, – ободрился я. – А это далеко?

– Не очень. Дорогая, которая из них сегодня самая свободная? Ты прости, я прослушал.

– Думаю, Белава сможет отвести тебя Лууч. Ты не против? – спросила Вестина самую младшую дочь, та лишь кивнула в ответ.

– Вот и славно. Ну а теперь, нам всем пора браться за дела, – вставая из за стола и подавая руку жене, сказал Велимудр.

Сыновья встали следом, за ними дочери. Я встал самым последним, потому что объелся и уж очень неожиданно они все, повыскакивали из-за стола. Все разошлись в разные стороны. Белава подошла ко мне, я был на полторы головы выше её ростом. Взяла меня за руку и повела за собой. Я повиновался. В просторной прихожей, она дала мне вполне сносное пальто, шляпу и меховые новые сапоги. Я быстро облачился во все это, поверх нарядного, вельветового, зеленого самохвата. Так теплее. Что же меня не предупредили, что повезут в горы? Я бы с собой вещей набрал. Белава уловила мое настроение, пока одевала ярко красную свиту и красочный платок.

– У нас не настолько холодно, как можно подумать. Я дала тебе впрок тёплой одежды. За обедом я заметила, как ты ёжился во время и прятал руки в рукава.

– Странно, Белава. Я особо не холодлив, но здесь исключительно другая реакция. Ведь действительно знавал зимы и морозы покрепче, – я открыл дверь на улицу и пустил её вперед.

– Так всегда с приезжими. Хоть они и редки у нас. Последний раз у нас гостил брат Велимудра, он нам и обустроил все эти красивые, осветительные приборы, а заодно привёз с собой множество бочек с маслом. Нам всем нравится живой огонь. Когда вокруг одна безмолвная, снежная тишина, пламя огня согревает лучше всего.

От её слов и красоты, мне на ум полезли, диковинные мысли об инквизиции. Если бы в один прекрасный день к ним в дом пришли селяне с вилами, пиками и топорами. Хотя такое возможно только в ушедшей исторической эпохе моего прошлого мира. Да и в принципе невозможности, из-за дальности расположения. Я бы бился за неё до последнего, если бы не успел увезти подальше от беды их всех.

– Мы идём в верном направлении? – спросил я, осматривая широкую, вытопанную тропинку в сугробе, ведущую в лес.

– Конечно, – засмеялась она. – Я же не первый день здесь живу.

– Кто знает, кто знает? – наконец расслабился я, от мучавшего меня холода и тоже засмеялся.

Тропинка вела по кругу, обходя гору против часовой стрелки, потом резко пошла вниз.

– Что ты такого рассказал Балемиле? – вдруг спросила она.

– Да ничего вроде.

– Почему тогда, она тебе улыбалась утром?

– Трудно сказать, мы почти ни о чём не говорили. Но у меня есть одно подозрение.

– Какое подозрение? – удивилась она.

– Ей очень не хватает тепла и внимания.

– Ты так думаешь? – она спросила это, когда мы подходили к множеству бьющих из камня маленьких ключей.

– Скорее это личное наблюдение.

– Так странно, ты её видел самую малость, а уже имеешь на этот счёт личные наблюдения. Ей не хватает внимания и тепла, как и тебе? – спросила она, когда я вдоволь напился из всех подряд источников. – Поэтому ты заболел?

– Не знаю, что тебе и сказать Белава. Лично я не думаю, что я болен, – от холодной воды, мне снова стало холодно, я не знал куда деваться от него, сел на каменную лавочку и съёжился.

– Но ты же постоянно мёрзнешь, это же прямое следствие твоей болезни, – она близко под села ко мне. – Мне вот тепло, давай я с тобой поделюсь своим теплом.

Она обняла меня и склонила белую голову мне на грудь. Мы так и сидели, целый час. От неё веяло теплом, я сразу согрелся и не спешил отодвигаться в сторону. Я смотрел на льющуюся воду, по покрытым мхами камням. Слушал ее многоголосое журчание и плеск. Не было ничего в мире, чтобы меня сейчас заботило. Больше чем талая вода с гор.

– Ты окончательно согрелся? – спросила она, вдруг привставая. – Потому что нам уже пора идти назад.

– Да Белава. Пойдём назад. Только кувшин наберу водицы. Эта мне больше всего понравилась, её и возьму.

– Хороший выбор, – сказала она, когда присела рядом и отпила с ладони. – Правда, на мой вкус, она здесь вся одинаковая, – глаза её сияли, я лишь улыбнулся над её наблюдением.

Мы вернулись к обеду. На подходе к крепости, нас увидела из окна Мира. Помахала нам рукой. Мы помахали ей в ответ. Зашли внутрь, Белава разделась и сразу ушла, оставив меня одного. Странное дело, но я не видел больше слуг. Словно они испарились, как вдруг один из них, шумно прошёл по коридору. Я последовал за ним. Но дойдя до поворота, потерял его. Я специально, стал ходить по коридорам. Слуги редко, но мелькали. Так, что я едва успевал их замечать. Стоило мне пойти за ними и преследовать, как, они тут же скрывались из виду. Одного я потерял в зимнем саду. Другого, в гостиной, третий испарился на кухне. Чертовщинка. Наконец мне надоело гоняться за ними. Что я, в самом деле, не наигрался ещё в догонялки с прятками?

Вернулся к себе. Разложил вещи из сумки в шкаф. Вдруг из моих глаз брызнули слёзы. Ни с того ни с сего. Я не успел удивиться. Лука никто не режет, перца я не ел. Мне не грустно и не весело. Я спокоен как змея на солнце.

– Так в чем же дело? – вслух спросил я себя.

– Это из тебя выходит талая вода, – донесся за спиной внезапный ответ. – Все хорошо. Не беспокойся об этом. Так и должно быть, – это была черноокая Злата, она стояла позади меня в ярко синем сарафане и накручивала на палец свои золотые локоны.

Дверь была открыта, здесь нет засовов и замков. Я не заметил, как она вошла.

– Но я плачу. Это просто не по-мужски. Оставь меня, пожалуйста. Позор мне.

– Да. Знаю, это не по-мужски. Но это не важно. Оставь свои мужские глупости при себе. Так хорошо, пусть дух безумия выходит из твоих глаз вместе с солёной водой. На ночь выпей из принесённого кувшина ещё воды, папи просил проследить за этим. За этим я здесь.

– Бывает же такое, – сдался я наконец, неведомому методу лечения.

– Бывает. Ты безнадежно болен – потому что влюблён. Болезнь эта передаётся. Болезнь чувств. Когда любовь перерастает в безумие.

– И часто вы такое здесь практикуете?

– Твой случай уникален. К нам в основном привозят безнадежно душевнобольных. Но у нас тут не психиатрическая лечебница, как ты можешь подумать. Просто мы умеем забирать ненужные чувства. Обратно от нас возвращаются почти мёртвыми, но здоровыми. Больше чем две недели, находиться здесь простым людям нельзя. Может наступить смерть. В давние

времена, наши предки принимали сюда людей, приговорённых к смертной казни. Они здесь отходили в навь без мук. Сейчас мы такое не практикуем, конечно. Гуманизм папи, в этом отношении зашкаливает.

Я слушал Злату и доплакивал последние, словно не мои слёзы. Мне всё это не нравилось. Лучше бы перца дали съесть, красного. Тут всё проще и понятней. Чем так. Меня охватила непонятная глубокая грусть. Я не контролировал свои чувства и непонятная тоска, сильно охватила меня. Теперь я не просто бездушно лил слёзы, теперь я по-настоящему сокрушенно рыдал. Злата не могла больше равнодушно смотреть на мои страдания, и горячо обняла меня.

– Ну не переживай так, – сердечно успокаивала меня девушка. – Все болезни сердца и ума, у тебя отступят за неделю. Самые тяжёлые психические болезни, если они тоже есть, отступят за полторы недели. Она подвела меня к кровати, помогла прилечь. Разделась и легла рядом. Освободила мое тело от всей одежды. Обнажила своё большое сердце, и подарила свою любовь.

Глава 2 Лечение

Утро встретило меня заснеженной пеленой за окном. Сквозь ватные массы снежинок, ничего нельзя было увидеть. Я побродил немного по комнате, и решил принять утреннюю ванну. Такими темпами я избалуюсь и привыкну. Иногда выгодно быть больным. Признаков болезни, как и её саму, я на себе до сей поры не ощущал. Не ощущаю и сейчас, будто здоров. Залез в набранную тёплую ванну. Блаженство сочетать два этих процесса одновременно. Я закрыл на мгновение глаза и открыл, когда чья-то нога, без моего разрешения опустилась в ванную.

– Я с тобой тут полежу, ты не против? – быстро спросила Злата, а ведь я о ней совсем забыл.

– Ну если только полежишь, – смутился немного я.

Злата скрутила в золотую спираль волосы и свесила их за пределы ванной. Она поочередно вытягивала свои ноги вверх, и любовалась ими. Я сделал вид, что меня больше интересует снегопад за окном. Но она нарочно обрызгала меня водой.

– Мне кажется, Лууч, я не понимаю тебя.

– Злата, понимание себя дело всей жизни. На понимание другого человека, может не хватить одной жизни.

В том то и дело мой славный. Я слишком хорошо понимаю людей. В этом мое главное отличие от остальных. Ты для меня настоящая загадка.

– Так может и не стоит меня разгадывать, раз я твой камень преткновения.

– Может. Может быть Лууч, – она вытянула обе ноги вверх. – Без дураков, мы не всегда решаем, где и кем мы будем, чем будем заниматься.

– А по-моему, именно это мы и решаем. Кто как не мы, это сделает за нас?

Дверь отворилась, на пороге стояла самая старшая из сестёр – Драгана. Её длинные чёрные волосы, были заплетены в две толстые косы и повязаны синими бантами на концах. Одна свисала впереди, другая сзади, на белоснежное платье. Она постояла ещё пару секунд. А потом решительно направилась к нам. Злата нервно заелозила, высматривая вокруг свое платье. Когда она его нашла, то быстро встав, одела на нагое, влажное тело и выбежала на балкон. Гневно постукивая каблучками, Драгана вышла следом на балкон за сестрой. Потеряв её из виду, вышла и закрыла дверь. Я изумленно смотрел на эту картину, не веря в происходящее не на миг. Интересный театр они мне тут устроили с утра.

– Она же замерзнет там. Не закрывай пожалуйста дверь, – поборол смущение, мой здравый смысл.

– Да там балкон связан с соседней комнатой. Там никто не живет, а если и заперла бы, ничего с ней не случится. Я ручаюсь, – нахмуренность и гневный вид, уходили с её лица. – Вода надеюсь горячая? – внезапно спросила она.

– Эээ, да. Тёплая, если быть точнее, – я был обескуражен, её внезапным вопросом.

– Терпеть не могу холодную воду, – искренне поделилась она своей неприязнью. – Да она у тебя тут просто лед! – возмутилась Драгана, сунув свою ногу мне в ванную. – Сейчас я прибавлю кипятка, осторожно не обожгись.

Ну и утречко выдалось. Уже вторая из них за одно утро, норовила попасть ко мне в ванную. Драгана, как самая старшая, выглядела разумнее всех. Но тогда чего ей здесь понадобилось? Она дождалась, когда от воды пошёл густой пар и только потом скинула всё своё снежное платье и залезла целиком. Я не самый скромный юноша, но меня вторично одолел небольшой конфуз.

– Сегодня я слежу за тем, чтобы ты выполнял все условия для оздоровления. Потому я была так возмущена, увидев Злату, – пояснила Драгана.

– Ах вот почему, – решил я подыграть ей. – Ну тогда, мне понятно твое праведное возмущение, – я чутка улыбнулся, чтобы она быстрее догадалась о моей иронии.

– Это хорошо, что ты понятливый. Мне будет с тобой легко, – совершенно серьёзно заметила она.

– Легко в чём? – уточнил я мучавший меня вопрос.

– Легко в процессе выполнения комплекса упражнений для твоего оздоровления. Но ты не обольщайся, легко будет только мне.

Она придвинулась ко мне, прильнула своим губами к моим. Мы чуть не утонули в ванной, так она тщательно и долго занималась со мной со всей её комплексной программой. Когда мы вылезли из ванной, а вылезли мы только по одной причине – вода стала остывать, а для нее это неприемлемо, я поделился с ней своими впечатлениями.

– Ты знаешь, мне вполне легко дался твой комплекс упражнений. Мы могли бы его, как-нибудь повторить на досуге.

– До чего ты наивный, – сказала она, вытирая волосы. – Упражнениями мы займемся прямо сейчас.

Она дождалась, когда я одену самохват. С собой у неё был комплект просторной одежды, в которую она быстро облачилась. Затем велела повторять всё в точности, что она будет делать. Мы целых два часа принимали самые разнообразные, сложные для моего, как я думал, подготовленного тела – позы. Первое недолгое время, я довольствовался видом её тела, изгибающегося во всех направлениях, без особых усилий с её стороны. Через полчаса, перейдя к одновременно физической нагрузке, со специальными дыхательными упражнениями в ритм с биением сердца, мне стало только хуже. К концу второго часа я совершенно перестал верить, в практическую пользу её оздоровительного комплекса. Мне было плохо на физическом плане, как никогда.

– Ну, вот мы и закончили, – пластично вставая в мостик и смотря на меня, в перевернутом состоянии сказала Драгана. – Ты уже чувствуешь себя лучше?

– Мне кажется, я умираю, – ответил я ей совершенно честно, лежа без движения на полу.

– Ну, ты лежи пока здесь, а я отлучусь ненадолго.

Я продолжал лежать без движения. Спустя некоторое время, во мне поднялся жар и в целом, стало необычайно хорошо. Приободрённый новым чувством, легко поднялся в полный рост. Прошёлся по комнате и хотел даже попрыгать, но передумал, когда ко мне вновь зашла Драгана. Она была одета в строгое, светло-коричневое платье и держала в руках две зажжённые лампы, с вытянутыми вверх стеклянными плафонами.

– Тебе нужно спуститься со мной в подземелье.

– Будь любезна, составь мне компанию.

– Именно за этим, я здесь, – она передала мне одну лампу.

– Что мы там будем делать?

– Не торопи события, я тебе внизу все подробно расскажу.

– Веди, так и быть.

Всю роскошь крепости и её богатое убранство, я смог оценить только сейчас, на второй день. Мы шли мимо шикарно обставленных комнат, с распахнутыми дверями. Хрустальные вазы, расписанные узорами и целыми картинами, холодное оружие на стенах, мягчайшие, как болотные мхи – ковры всюду на полу. Люстры и лампы из чистого золота и серебра с драгоценными камнями, сервизы в резных шкафах из ценных пород дерева, все это стоило не одно состояние. Дивный зимний сад располагался примерно в центре крепости. При свете дня, поступающего в него сверху, он произвёл на меня самое большое впечатление. Великое разнообразие цветущих растений, разносило невероятные ароматы. Запахи будоражили воображение, манили, пленяли, подталкивали на свершение значимых действий, успокаивали и дарили бурю положительных эмоций.

– Не стой здесь долго, ты ещё слишком эмоционально сильно всё воспринимаешь. Можешь себе этим навредить.

– Да Драгана, я вот только ещё одну минуточку здесь постою, и сразу пойду за тобой.

– Знаем мы это ваше, немного, – сказала она и стала уводить меня за руку.

Впрочем, я не сопротивлялся. Благоухание ещё долго стояло вокруг меня. Частички пыльцы были на моей одежде, волосах и руках.

Мы вышли к большой двери с округлённым верхом. Драгана отперла гигантским ключом, огромный на двери замок. За ней была небольшая площадка с лестницей идущей вниз. Наконец нам пригодились зажжённые лампы, ходить с ними по свету было немного глупо. Драгана меня отпустила, но я сам взял её руку в свою.

– Здесь не скользкие ступеньки. Можешь не держать меня.

– Я знаю. Мне просто неуютно и приятнее будет тебя держать, в этих не совсем уютных казематах.

– Тогда ладно.

Мы дошли до большого погреба с дубовыми бочками.

– Ты меня сюда звала? – спросил я, представляя грандиозную пьянку.

– Не совсем. Но если ты хочешь, мы можем здесь ненадолго остаться.

– Боюсь при таком большом количестве вина, ненадолго, здесь остаться не получится.

– Твоя правда, пойдём куда шли.

В следующих отделах погреба, стояли полки с большими сырами, заварными травами и всяческими соленьями. Провизии здесь не меньше, чем на пару десятков лет. За всей этой аппетитной снедью, нас, наконец, встретило то место, куда меня изначально вела Драгана. Расписная заклинаниями, символами, рисунками и еще невесть, чем дубовая дверь, отворилась моей спутницей, нажатием ладони. Перед нами предстала, необъятная взору библиотека. Высоту потолка я тоже не смог определить визуально. Пламя светильника, не доставало до него, и рассеивалось высоко на полках.

– Мы уже на месте? – спросил я Драгану, ожидая от этих подземелий внутри бесконечных глубин горы, чего угодно.

– Не совсем. Надо теперь отыскать, то, что велел тебе дать папи, для ознакомления. Ты меня только продолжай держать, – я и не заметил, как отпустил её, рассматривая объёмные мебели с бесконечным количеством фолиантов. – Заблудиться здесь, проще простого.

Я ей ничего не ответил. Дар речи на время покинул меня. Мы шли, освещая знания, через темноту веков. Сдаётся мне, этому миру раскрыто не больше одного процента всех знаний, хранимых здесь. По крайней мере, большинству его обитателей, коих за девять лет пребывания здесь я повидал немалое количество. Иначе, почему местами, до сих пор не рай, а творится всякое бесчинство. Хотя с моим миром, та же самая чертобесия происходит. Просто он в корне другой, но это не меняет его сути.

В процессе брожения между полками, мы повернули раз сто, не меньше. Меня все это стало немного напрягать. Я бы сказал, что всё это её злая шутка. Ведь по мне, так мы ходили кругами.

– Я смотрю ты здесь как рыба в воде, – прокомментировал я её стремительное, но путанное перемещение.

– Есть здесь одна рыба и это не я. Поверь, нам её лучше не встречать. Хищное создание.

– У меня развитые чувства направления и ориентация в пространстве, – сказал я, подумал и добавил. – И времени.

– Это тебе не поможет. Здесь нет направления. Это особое место.

– Если так, то ладно. А то у меня было впечатление, что ты меня кругами водишь.

– Вот, мы и пришли, видишь. Это наша полка, – я осмотрел ничем не отличающуюся от других пыльную полку, но со знанием дела, покачал согласно головой, – Нам надо лестницу

взять, она там, у стенки стоит. Ты стой пока здесь, светильника не гаси, это опасно. А я схожу за ней и вернусь.

– Так может я с тобой схожу, – попытался я, найти веский повод не оставаться одному. – Лестница, поди тяжелая.

– Да нет, оставайся. Чего тебя кругами водить. Сам же сказал. Тем более я так долго искала нужную полку. Не хочу потом опять её искать с лестницей на руках, – она так уверенно все это сказала, что я не стал спорить, она же здесь живёт, её дом, знает как лучше.

Тихие её шаги перестали быть слышны мне, как только свет от лампы, скрылся за первым же поворотом. Я остался один. Время теряет свои очертания, когда остаешься глубоко под землей, с единственным источником света, наедине с собой. Мысли остановили привычный ход. Я, смотря в темноту, принял некоторое подобие медитативного стояния на месте. Вдруг лёгкий ветерок, обдул мои волосы на затылке. Я обернулся. Постоял в тишине ещё с минуту. Мне почудилось, что я слышу лёгкий шелест. Вслушался внимательней. Тишина. Чего только не слышит человеческий ум наедине с самим собой и в отсутствии каких-нибудь звуков. Шелест отчётливо повторился. Я поднял лампу над головой и всмотрелся в пустоту. Надо бы сказать Драгане, что я её слышу, и пусть она прекращает свои шуточки, хоть это было совершенно не в её духе.

Я открыл рот, но шелест сменился тихим скрежетом. Такой звук невозможно издать лестницей или ещё чем либо. Это скорее напоминало скрежет нескольких острых металлических вещей о каменный пол. Например, острых вил или тяпки. Опуская лампу, я случайно задел ей книгу, лежащую на краю. Она упала и раскрылась прямо на полу. Вид подробных рисунков, какого-то жуткого вида, водного существа с двумя хвостами и длинными руками с перепонками, в разрезе и препарированного, направил мои мысли не в позитивную и светлую сторону. Текст с пояснениями был на незнакомом языке. Я скорее закрыл её и поставил на место. Когда я это делал, то пятой точкой опоры, случайно задел полку позади себя. Она с грохотом обрушилась на пол. Грохот был такой сильный, что от неожиданности я уронил лампу. Она к счастью, не разбилась и не устроила пожар. Но к несчастью, она потухла. Не знаю, что из этих двух зол хуже.

Стоя один, в совершенной темноте, я вдруг осознал, что слышу приближающиеся ко мне затажные шаги с характерным ранее скрежетом. Мурашки, размером с виноград, прокатились по моей спине. Когда шаги приблизились на расстояние не больше дюжины шагов, я услышал низкий, короткий рык. С трудом подавив вопль, я развернулся на пятках и своим самым тишайшим шагом, пошёл в противоположную сторону. Примерно через тридцать секунд, я сильно и шумно, ударился лбом о полки, идущие поперёк тем, у которых я только что был. Рык донесся раскатисто и грозно. Меня словно окатили холодной водой. Только из-за опаски не врезаться с разбегу в очередную полку на уровне лба и не потерять сознание, я не бросился бежать со всех ног. Вместо этого, наощупь я старался уйти от преследования. У меня ничего не получалось. С каждой минутой, шаги неизбежно слышались, все ближе и ближе. Я хотел позвать во всю силу своих легких Драгану. Но паническое и сбитое дыхание выдало лишь, испуганное «помогите». Я действительно болен. Раз такие пустяки могут выбить меня из колеи так легко и просто. Наконец пришло до меня, осознание моей странной хвори.

Пытаясь взять себя в руки, сосредоточиться на побеге и поиске обратной дороги я закрыл глаза. Широко раскрытые, не видящие в полной темноте глаза, мешают это сделать. В абсолютной темноте, наверно, не видят даже кошки. Хотя может, видят они не глазами. Известно. Надо будет спросить у КерукЭде, вдруг он знает. Моей головы коснулось что-то тёплое. От неожиданности, полностью теряя контроль, я завопил, на чём свет стоит.

– Ты чего орёшь? Совсем с катушек поехал? – услышал я знакомый спасительный голос и обернувшись, увидел такую милую и хорошую Драгану. – Хочешь его разбудить?

– Слава тебе Драгана. Я так по тебе соскучился, что ты не представляешь даже как, – обернувшись, я прислушался и шепотом добавил. – Кажется, я «его» разбудил.

– Представляю. Раз решил задуть лампу и начал тут ходить в одиночку. И нет. Если бы ты его разбудил, нам бы уже пришел конец. По крайней мере тебе, потому что ты остался без света.

– Раз книга при тебе, давай пожалуйста скорее отсюда уходить, – я заметил у неё подмышкой заветную цель нашего поиска.

– Пошли.

Мы приблизились к грамотно и ровно высеченной, из цельной и цветной, каменной породы, лестнице. Пошли обратно. Прошагав немного вверх. В последний момент я интуитивно остановился за поворотом.

– Дай пожалуйста лампу, – попросил я Драгану.

– Держи. А зачем тебе?

Любознательство меня пересилило, я сделал шаг назад и увидел «его». Нечто, от которого у меня раз и навсегда похолодела кровь во всех и каждой жиле моего тела. Нечто, представляло собой «его». Огромный, двух с половиной метровый ящер, на задних лапах с длиннющим хвостом и полу крокодильей пастью попал на свет. Он стоял на небольшом отдалении, но слабого света огня, мне хватило. Чтобы разглядеть его в тёмно-зелёных деталях. В тот короткий миг, прежде чем он исчез из виду, быстро высунув, длиннющий, красный, раздвоенный язык и издав последний рык. Теперь понятно, откуда были все те звуки. Хвост его шелестел по полу, большие и длинные когти на лапах шаркали при ходьбе. Не знаю, что ужаснуло меня больше, его абсолютно не человеческий вид и происхождение, или слишком разумный и умный взгляд. Холодный взгляд — рептилии.

– Ты чего там встал? Пошли от греха, – вывела меня из ступора Драгана.

– Кажется я «его» только что увидел.

– Ты серьёзно? Нам лучше убраться отсюда, – вдруг запереживала она сама. – Обычно он спит, но ты разбудил его. Не знаю, как у тебя получилось. На наше семейство он не реагирует. Раз ты со мной, он тоже не должен был реагировать. Мое присутствие рядом, как бы твой пропускной билет. Ты Лууч, кстати говоря, какой-то странный.

Только когда мы поднялись обратно наверх, вышли из библиотеки, и она ее заперла на ключ, я решился ей ответить.

– Между нами говоря, у меня с рептилиями странные отношения. Не скажу, что я этому рад.

– Особенности отношения говоришь? Так рептилойд этот, или кто он там, друг твой? Ты меня пугаешь человек.

– Нет именно странные. Это меня и пугает.

– Так значит, он с тобой поздороваться приходил. Ты знаешь, тебя легко напугать.

– Думаю после увиденного, меня напугать будет уже нелегко, – про себя я подумал, что примерно то же самое я полагал, когда познакомился поближе с Винцеанном. – Я там немного намусорил, лампу твою чуть не разбил, – решил я сменить тему.

– Не переживай, я потом кого-нибудь из братьев отправлю убрать беспорядок и починить полку, которую ты сломал, – помолчав, она добавила. – Когда «он» заснёт. Стоило нам с тобой погасить мою лампу, как он пришёл бы за нами. Меня-то может и не тронул бы. Но зачем рисковать. Он не различает своих или чужих, хороших и плохих, он убьёт и съест любого, кто нарушит его покой во тьме. Он не боится самых смертоносных орудий и острейших клинков. Он боится только света.

– Забавно, живет среди знаний, говоря метафорично – среди света, но сам больше всего боится его. Драгоценная Драгана. Ты спасла меня. Я тебе очень благодарен.

– Можешь меня не благодарить. Не могла же я бросить такого милого юношу, там одного на «его» произвол.

– А кто «он»? – спросил я, раз уж она сама подняла этот больной вопрос.

– Вот честно, не знаю. Знаю, что он древнее нас всех, вместе взятых.

– Вот это самое интересное, но у меня мурашки идут, от таких мыслей и я намеренно не буду копать про него информацию. Дабы не привлечь в свою жизнь его и ему подобных, благородных нечеловеческих господ.

– Очень мудро Лууч. Я рада, что ты такой молодец. Однако есть одно но, учитывая кто ты, по здешним меркам и какого учителя имеешь за спиной. На роду у тебя должно быть написано, встречаться с ним, и как ты говоришь ему подобными.

Мы поднялись на первый этаж. Дневной свет привёл меня в чувства. Нам пора было расходиться с Драганой.

– Вот держи, – перед уходом она отдала предназначенный мне фолиант. – Как тебе наше приключение.

– Был я в подобном месте мельком.

– Не может быть! – воскликнула она. – Это место единственное и уникальное в мире. Другого такого нет, – убеждённо кивала она.

– Я и не говорю про «этот» мир.

Я пошёл к себе в комнату, ознакомиться с новым знанием. За то небольшое время, что я просидел за рукописным, древним, нетленным текстом, успел, немного ознакомиться с историей семейства крепости. Они все, представляли из себя, истинных хранителей сокровенных знаний. Они носили фамилию Керионен, так звали их древнего предка, он же основатель данной крепости. Его же внуки, уже почти все люди, основатели города Керионен, что лежит теперь, далеко у подножия гор. Сами к ним, то есть к знаниям, они прикоснуться полностью не могли, в силу специфики своей загадочной природы. Живут они очень долго. Точного срока жизни их никто не знает, потому что в летописях о них никогда не упоминалось. Да и не живут так долго люди.

Несмотря на большой запрет использования полного списка библиотеки, львиная доля знаний им перепадала. Оттого их можно было считать, главенствующей организацией, а точнее главенствующим семейством в этом мире. Тайное управление мира, сохранение и преумножение знаний, их главная задача. Внешний облик и обычный бытовой уклад их жизни, довольно обманчив, но в него хотелось верить даже мне. Чтобы не усложнять себе жизнь. Они здесь как спецслужба, на языке моего мира. Которой официально не существует. Хранители знаний. Информация самый ценный ресурс в материальном мире. Обладающий ей, в полной мере, хозяин мира.

Из той же книги я подчерпнул и другую информацию. Речь шла о общем энергетическом поле. Там же было сказано, что его освоение можно проводить через Навь. Общее энергетическое поле восстанавливает жизненную силу человека. Возвращает его в прошлое и будущее во сновидениях. Таков побочный эффект использования энергии из него свыше нормы. Жаль она не возвращала меня в прошлую жизнь моего родного мира. Может быть, не такой уж он был и родной. Любопытно.

Далее следовало, что есть паутина реальности. Особая, тонкая сеть эфира, которой всё оплетено. Но для использования её, должно быть развито эфирное тело. С помощью него можно путешествовать через эту тонкую сеть. Контакттировать с ней и воздействовать на неё особым образом. Самые важные события в жизни человека, чаще всего задействованы напрямую с ней. Проявляется она через сам эфир, чистую энергию, или например, через электричество, которое в этом мире, почему то не в почёте. Люди опасаются молний и всё что с ними связано.

Человек может, заряжаться энергией не напрямую, а искусственным путём. Посредством сна, еды, особыми занятиями на лоне природы, молитвами и общением с особыми людьми.

Самый простой, но действенный вариант – нахождение на солнечном и лунном свете, желательно обнажённым.

Вообще человек постоянно питается эфиром, в большей или меньшей степени. Он генерирует в нём ту самую энергию, которая способствует общению через тонкую сеть, паутины реальности. Но человек не ищет способов, как её аккумулировать её в себе. Чаще всего он с лёгкостью находит способы её тратить, вместе с ней тратится и его жизненная сила, а это уже сокращает продолжительность жизни. Чаще всего это связано с удовольствием, посредством которого и тратится энергия.

В мою дверь постучались.

– Да, извольте войти.

– Пожалуй, к нашему столу. Мы собираемся на ужин, – сказала вошедшая Желана.

– Хорошо. Я сейчас же пойду.

– Тебе не стоит торопиться. Через пять минут, мы все будем в столовой, – она откланилась и вышла.

Я пришел точно в назначенное время и услышал бой висящих на стене старинных механических часов с кукушкой. Они мне очень понравились. Как я раньше их здесь не замечал.

– Тебе они нравятся? – спросила вошедшая, с боем часов, последней Вестина.

– Определенно, мне по душе такие вещи, – ответил я.

– Им уже четыреста лет. Недавно шестеренки стерлись, но сегодня Деян, починил их и заменил все изношенные механизмы.

– Нельзя в этой жизни заниматься чем-то не тем. Жизнь слишком скоротечна. Особенно у людей, – сказал ей в ответ Деян.

Мы все сели за стол. Девушки мне мило улыбались, но я сохранял абсолютное спокойствие и целомудрие. Потому не отвечал на их игривые гляделки. В ходе ужина, почти все соблюдали тишину, за исключением моментов с просьбой передать соль или очередное блюдо. Велимудр, закончив трапезу с основным блюдом, первый завел речь.

– Драгана, ты справилась пока лучше всех. Не зря ты у нас самая старшая. Смотри, какой румяный, свежий и спокойный вид у Лууча. Очевидно, болезнь его отступила так далеко назад, что боюсь, нам придется прекратить его дальнейшее врачевание и просто оставить гостить. Нельзя же отпустить такого замечательного юношу, прибывшего к нам издалека, так быстро назад. Девочка моя, расскажи свой секрет. Что ты с ним сделала?

– Да-да, скажи. Что ты с ним сделала? – ревниво посетовала её сестра, задумавшись над словами Велимудра, я не успел понять какая.

– Никакого секрета здесь нет. Он самоактуализированный юноша. Спросите лучше его самого, – перевела она всеобщее внимание на меня.

– Вы знаете, благородные мои сударыни и судари. Есть вещи и которых не говорят. – ответил я довольно скрытно, имея на это полное право.

– Это великолепно. Мой мальчик. Это великолепно, – обрадовалась Вестина.

– Правда, мне надо признаться вам в одном дельце. Я немного намусорил в библиотеке и кажется, напрочь, сломал одну из полок. Обстоятельства заставили покинуть меня, её раньше, чем я успел провести ремонт поломки, и убрать упавшие книги на места. Если хотите я найду время и наведу там прежний порядок. Но только мне потребуется сопровождающий, ввиду одного незначительного обстоятельства. С горизонтальными зрачками.

– В этом нет необходимости Лууч. Сыны мои славные, есть желающие решить проблему? – спросил Велимудр, внимательно осмотрев сыновий ряд.

– Схожу отец. Всё сделаю, – откликнулся самым первым Люборад, едва он успел закончить свой вопрос.

Инициатива я смотрю, в этой семье приветствуется. Это однозначно радует.

– Да ты же ничего не съел, – Заметила Вестина, ближе к концу общей трапезы. – Тебе не по душе наша кухня? Или блуждания по подземелью отбили тебе аппетит?

– Думаю тут ни то и не другое. Странное дело, но я ничего не хочу в принципе, – сознался я.

– Это добрый знак, – ответил Велимудр. – На аппетит нужны чувства, человек может только воздухом дышать без них, да пить воду. Вода у нас лучшая, как ты заметил, с тающих ледников. Раз нет чувств – мы все делаем правильно. Очередной показатель отступающей болезни.

А ведь и правда, общение с ними и тесный контакт, буквально высасывали из меня все эмоции и чувства. Вампиризм? Скорее нет, чем да. Другое здесь. Вечный и холодный покой гор и тотальное умиротворение.

– Итак, дочери мои, теперь к вам вопрос. Кто из вас завтра утром, хочет повести Лууча наверх?

Они почти все подняли руки. Кроме Синеоки. Отчасти мне захотелось, чтобы именно она меня повела, куданибудь вверх.

– Желана первая подняла руку, будет честно, если пойдет она, – сказала Вестина.

– Да и я заметил. Пусть идёт она, – согласился Велимудр.

Утром, Желана, не заставила себя ждать и пришла в назначенное время, ко мне в комнату. Перед тем как зайти она постучалась, но едва я успел сказать «войдите», как она мгновенно очутилась рядом. В этот раз я был подготовлен. Врасплох в ванной или в кровати меня застать не вышло. К тому моменту, как она очутилась рядом, я уже стоял высоко в свой полный рост и оглядывал утреннюю гостью. Она была одета в кашемировое длинное, светло-зелёное платье с хорошим, отблеском и отливом цвета на свету. Высокие её сапоги из коричневой замши, доходили ей до колен и имели подвязки на икрах. Прямые, длинные волосы, цвета жжёной карамели, аккуратно причёсанные, уходили назад. Все запястья её испещряли кольца и браслеты из разных цветных металлов. Мой беглый взгляд остановился на них, а не на её стройном, подтянутом теле. Она легко его уловила.

– У меня есть для тебя кое-что, – один цельный браслет, она сразу сняла и протянула мне. – Он медный.

Я взял протянутый мне подарок. Внимательно изучил. Бесчисленные переплетения гравировки, манили изучить сложный узор ещё тщательнее. Подержал ещё немного в руках. Весьма увесистый, медь вообще тяжелый металл.

– Я придумаю, как отблагодарить тебя и обязательно сделаю это на днях.

– Когда придумаешь, благодари Синеоку, – она зачем то обернулась, посмотрела, не стоит ли кто за её спиной. – Это тебе от неё лично.

– Почему тогда она не передаст его сама лично?

– Так будет быстрее. Ты же слышал, что сегодня я смогу тебя отвести наверх. А вообще спроси её лучше сам. Моя задача выполнена, дальше дело твоё

– Выражаю тебе свою личную признательность Желана. У тебя должно быть большое и доброе сердце.

– Когда то давно, этот орган я проходила и читала про него. Мама говорит, ничего дельного он не приносит. Другое дело голова, к примеру.

– А что по твоему мнению, оно несет, какойнибудь толк?

– О да, я точно знаю, прок от него есть и немалый.

– К примеру?

– Если говорить о сердце, польза его самая главная в отсчитывании ритма про себя, во время определенного дыхания. К примеру, дыхание стихии определённой, если брать, там строго придерживаться ритма сердца нужно, иначе будут потом проблемы.

– Подожди, а как же гонение крови по сосудам, и срок жизни зависящий от количества ударов, – удивился я самому обыкновенному знанию, которое она не озвучила.

– Да у кого ты набрался такой чуши? – риторически спросила она. – Длину жизни у обычных смертных человеков, определяет количество вдохов и выдохов. Кровь сама по себе гоняется по телу, следуя за энергией, идущей по телу, по вихревым каналам. Сердце здесь ни при чем. Я смотрю, ты зря ученик шамана, раз не знаешь таких обыкновенных вещей.

– Ты вот Желана, того не ведая, открыла мне глаза на одну истину. Истинную причину моего здесь пребывания.

– Не суетись так сразу. Ты действительно больной на сердце, на голову и просто так. Пошли за мной, буду тебя лечить, как умею, – она вышла и махнула мне рукой.

Желана мне виделась естественной во всём. Простота её речи и манеры двигаться, лёгкой плавающей походкой, наводили на мысли, что она не идёт вовсе, а плывёт. Но обращённый взгляд на её топающие ноги в сапогах, оставляющие чёткий след в снегу, устаканивал разбушевавшееся воображение. Я вдруг для себя, неожиданно понял. Каждая из них производит на меня очень сильное воздействие. Желана располагает слушаться её во всем. По странности, я не могу её не слушаться. Не могу возразить. Хотя она выглядит на год моложе меня.

– Сейчас пойдём вон по той горной гряде. А где тропа закончится, мы встанем на снегоступы и сами проложим себе дорогу. Наша цель вершина.

Снегоступы у нас были с собой. В обычном порядке, я бы ни за что не пошёл на вершину такой большой и крутой горы. По крайней мере без всего, просто на снегоступах, на обутой ноге. Но как я и говорил, возразить ей ничего на это. У меня не то чтобы не получилось бы, а не было и в мыслях.

– Да Желана, пошли, – ответил я под влиянием её волшебного гипнотического воздействия.

Хорошо представляю, что такое гипноз. Здесь другое. Будто некие чары. Причём я бы не сказал, про них, как про любовные чары или про природный животный магнетизм. В общем, это можно только почувствовать. Опять же оговорюсь. Это не слепое чувство влюбленности или безропотного доверия близкому или сильному духом человеку.

Ели мелькали одна-за-одной. Ветер завывал высоко над верхушками деревьев, с невероятной силой обрушивая на нас потоки уносимых с поверхности снежной глади снежинок. Нам повезло, снегопада не было. Чистое и ясное, полуденное солнце освещало все вокруг, озаряя чистым сиянием и блеском. К этому времени мы успели преодолеть примерно половину пути. До вершины оставалось не более трёх часов, если мы и дальше будем двигаться с прежней скоростью. Иногда я оглядывался, что насладиться незабываемыми видами долин и просторов. До них не доходил снег. Должно быть там сейчас тепло. Должно быть, там сейчас так сильно не слепит солнце. Отражаясь от кристальной снежной белизны. Желана поняла, что я значительно сбавил скорость. Часто шурился, пытаясь хоть как нибудь закрыться от солнца руками. Вручила мне припасенные заранее очки из черного стекла, закрывающие всё видимое пространство обоих глаз. Надела точно такие же очки. Дело быстрее не пошло. Всё из-за возросшей крутизны. Когда участок стал более пологим, мы развили большую скорость восхождения, чем за всё время нашего пути.

От лёгкого кислородного голодания, я часто делал по два вдоха одновременно. Всё это приятно, эйфорически отдавалось в моей голове, и я получал настоящее удовольствие. Похожее чувство бывает у ныряльщиков на глубину. До вершины мы добрались быстрее, чем я мог предположить. Густой сносящий всё на своем пути ветер понемногу стихал. Будто из сострадания к нам. Солнце, несмотря на мороз, припекало незащищенное лицо. Приятное чувство. Стал уже отвыкать от солнечного света. Постоянно находясь в тени крепости и её окрестностей.

– Садись, где тебе нравится, – словно в шутку сказала она.

Желана заняла один из двух, выступающих из снега, крупных камней. Третий, был настолько острый, что сидеть на нём не смог бы даже самый заядлый эквилибрист. Я занял единственно правильный в этом случае вариант, с крупным округлым камнем рядом с ней. На мое удивление он оказался тёплым.

– Камень тёплый.

– Да, мой тоже. Теперь дыши как я, а когда скажу, начинай задерживать дыхание. Когда освоишься, буду подавать тебе сигналы рукой. Когда поймёшь, что справляешься с ритмами сам. Начинай чередовать и пробовать, что нравится больше. Начнем с дыхания горы.

Я следовал всему циклу дыханий, преподаваемых ей мне. Лёгких моих не хватало, я часто сбивался. Скрещенные ноги мои, давно затекли. Но спустя час, вполне себе освоился и сосредоточился на одном лишь дыхании горы. Оно впрямь, было самое простое. Так, мне показалось сначала. Примерно все они были одинаково сложны для меня. По истечении второго часа, я почувствовал себя горой и уже не мог пошевелить ни пальцем, ни рукой, ни бровью. Время улетучилось, словно никогда не существовало в моей жизни. Жизнь света и тени, спокойствия и света раскрылись во мне изнутри. Я обрёл свойство самой горы и хотел навсегда остаться здесь. Хотел – неверное слово. Вернее будет сказать, у меня не возникало желания встать или уйти. Я чувствовал глубину и наполненность, во всём процессе пребывания здесь и просто, будучи частью горы и ей самой. Вскоре мое физическое восприятие ушло, и я перестал ощущать себя вообще чем либо. Я стал абсолютной заполняющей всё пустотой. Тогда я открыл глаза.

Желаны не было рядом. Но были её следы от снегоступов. Я не услышал, когда она встала и ушла. Пошел по её следам. Мой спуск проходил гораздо быстрее. Плоские деревянные снегоступы я использовал, как короткие широкие лыжи и довольно быстро съезжал вниз. За такими же бороздками в снегу, оставленными Желаной. Настиг я её, когда почти совсем стемнело. Едва различая её зигзагообразные направления, по которым я все это время следовал, заметил оранжевый свет между елей. Приблизился. Свет шёл от огня. Она разожгла большой костер, между плотно стоящих густых елей. Её снегоступы, стояли рядом. Сама она сидела на наломанных дровах, на неглубоко вытоптанной и оттаявшей от тепла, небольшой площадке.

– Ты молодец, теперь я понимаю, почему ты ученик шамана. Вначале я просто не поверила, увидев тебя. Такой простой и смазливый парень.

Я не ощущал холода, пока не подошел к огню. Тепло подступившее к моему телу и замерзшим конечностям, несмотря на активный спуск дрогнуло. Разлилось по телу. Меня забила крупная дрожь. Я близко подсел к огню, не боясь обжечься. Вытянул заиндеветшие руки. Тепло. Желана подошла сзади, обняла меня со спины. Согрела своим теплом. Мы бы так долго просидели, если бы она первая не нарушила тишину, рушимую только треском костра.

– Я тебе нравлюсь, – не то сказала, не то спросила она.

– Да.

– Ты меня желаешь, – с той же неясной интонацией вновь сказала Желана.

– Да.

– Это правда и твое решение? – теперь её вопрос, звучал весьма конкретно.

– Да Желана, ты для меня желанна.

– В тебе, как и здесь, слишком много холода. Давай мы попробуем растопить лёд в твоём теле. Сердце у тебя горячее, это я точно знаю.

Крайне низкая температура наступившей ночи, не затронула нас, когда мы разделись и предались согревающим процедурам. Нас остановил только догорающий костёр и закончившиеся готовые дрова. Выступившая на небо убывающая луна, подсветила нам путь назад. Мелькая между деревьями и нашими следами восхождения, мы быстро съезжали на снегоходах вниз. Звёзды горели тускло. Их перебивал мощный лунный свет, высвечивающий каждый

тёмный уголок, напрямую, либо косвенно. Весь спуск не занял много времени и примерно, через полчаса мы стояли в прихожей.

Глубокой ночью, в полусырой одежде, с густо налипшими кусочками льда и снега на одежду, мы расстались в гостиной. С обильной капелью, я как весенняя туча, пошёл в свою комнату, всюду оставляя за собой свежесть и сырость. Неся в внутри себя неведомые частички горы и тепла Желаны.

Глава 3 Выздоровление

После завтрака, меня поймала Мира. Велела мне бросить затею, выловить ускользающих от взгляда слуг и идти за ней. Мы дошли до зимнего сада. По её мнению, сад лучше всего подходил мне. Сидеть в зимнем саду и созерцать его растения мой удел ближайших нескольких дней. Поэтому я могу оставить любые свои занятия и целиком посвятить себя этому. Тихое сидение в саду, было испытанием моих эмоций, чем их меньше, тем я в большей мере – могу там находиться. В первый день, мне дико хотелось вскочить от всего обилия виденной красоты и многообразия ароматов исходящих от цветущих растений. Пару раз я вскакивал и кричал как сумасшедший. Следующие несколько дней, мне удавалось сохранять относительный покой и не кричать. Молчание было великим достижением. Ведь меня норовили отвлечь, бродячие за окнами иногда слуги, со своими диалогами, на не звучном, косном, незнакомом языке. Не знаю как, но они мне очень мешали сидеть тихо, словно это входило в список их обязанностей.

Хотелось, встать, выйти и решить их проблему, либо прогнать. Просто крикнуть и пожурить. Это вам не базар. Здесь человек покоя пришёл искать, а вы тут ходите и отвлекаете его. Будто нарочно пришли за этим. Одно, я скажу точно, сад приучил меня сдерживать свои эмоции. Делать их недоступными для проявления большинства вещей, творящихся вокруг. Будто в нем я познал такое, о чём никогда не пишут в книгах. Ну а если пишут, то обязательно на санскрите и в весьма стихотворной, завуалированной форме. В общем, получилось так, что аппетит у меня совсем пропал, я не являлся завтракать, обедать и ужинать. А если и приходил, то просто сидел, молчал и слушал, о чём они говорят. Семейство всегда, обсуждало, в основном хозяйственные дела. Иногда они заводили интересные темы про уклад жизни разных людей. Делились соображениями на этот счет. В остальном ни чем особым не отличаясь в беседах за приёмом пиши, от обычных семей.

Иногда Мира проходила мимо. За стеклом. Улыбалась приятно мне, но не решалась отвлекать меня от важности совершаемого мной недеяния. Так случилось, что вместо положенных трёх дней, я провёл в саду добрую тройку недель. Он тянул меня своей невообразимой, в его и вне его пределов красотой и естественностью жизни растений, собранных в одной комнате. В нём я мог обходиться вообще без всего. Иногда я забывал про сон. Иногда находил себя дремлющим сидя, прямо на скамье, поставленной там для меня. Только я успевал привыкнуть к виду и запаху одних цветов, как распускались новые. Странное обстоятельство, цветы оставались всегда ухоженными, почва влажной, а садовника я ещё не видел ни разу. Он, как и слуги не попадался на глаза. Может его роль исполняли те же слуги. Их шёпот или болтовня хоть и были тарабарщиной, играли с моим воображением, мне чудилось, что они обсуждают сад. Что посадить нового, что убрать. Что полить и как развесить, расставить горшки.

Воду я пил, но очень мало, стакан в день, от силы. Иногда забывал и про него. Как-то ночью, я захотел пить и проснулся. Обнаружив хрустальный графин, с бокалом у кровати пустым я решил спать дальше. Жажда была не сильной. Иногда входная дверь в мою комнату издавала звуки скрипа, я воспринимал их как сквозняк. От того, что дверь ко мне продолжала поскрипывать время от времени, я не мог крепко заснуть. Позже мне стало ясно, что за ней стоит неизвестный и специально её иногда приоткрывает. Я открывал сонные глаза, приглашал несколько раз, вслух, войти.

Гость, казалось, не хотел заходить. Топтался на проходе и не решался открыть дверь полностью. В то же время, ему не хватало духа или решимости сказать мне уже хоть одно слово. Ответить хотя бы мычанием. Абсолютно явственно я понимал, что глубоко заснуть у меня не выйдет. Тем не менее, я совершенно не хотел открывать дверь самостоятельно, поэтому валялся дальше, в полусознательном состоянии. До полноценной бессонницы мне

была далеко, я тешил себя надеждой уснуть позже, когда мне это надоест. Наконец, я лениво открыл глаза и заметил, чью то руку держащую край приоткрытой двери. Мне это, взаправду надоело. Будучи только в одной пижаме, я встал и молча пошёл к двери, узнать, в чём собственно дело. За дверью слышались удаляющиеся шаги. Я перешёл на бег, чтобы застигнуть пришельца. Мелькнувшая за поворотом пола халата, навела меня на мысль, что это один из слуг следит ночью за мной. Он убегал. Я решил проучить беспардонного ночного лазутчика и полный решительности смекнул, как его догнать наверняка.

Довольный, своей находчивостью, побежал ему наперерез. Я представлял, что он уже у меня в руках. Я планировал поймать его, схватить и безобидно допрашивать. Раз уж он попался мне. Однако, вместо наглого лазца из шпионящих слуг, я влетел в Миру. Ударился с ней лоб в лоб. Сбил с ног. Она выронила всё, что держала в руках. Серебряные поднос, подсвечник и блюдо рухнули на пол. Даже белый, кружевной кепчик слетел с её головы. Грохот разошёлся эхом по всей крепости. Свечи потухли и забрызгали её и пол горячим воском. Я был уверен, что разбудил абсолютно всех и сейчас все сбегутся, выяснять, в чём дело.

– Ох, – сидела на полу и держалась за лоб Мира, я поднял с пола подсвечник и приложил его основанием к её лбу. – Холод и серебро не поможет, здесь нужна медь.

– Я вовсе не намекал этим действием, что ты оборотень какой, ты не подумай, – приложил к её голове медный браслет.

– Пока ты здесь гонялся, не пойми за кем, как кот за мухой, я тебе несла воды.

– Ночью? Зачем? Неужели утра нельзя было подождать? Не знаю, как такое могло произойти, ты очень внезапно выскочила.

– Да уже не важно. Всё нормально, прикладывай к своему лбу тоже медь, посидим так немного и всё должно пройти, – было неудобно.

Мы пошли к ней в комнату. Она открыла старый большой комод из потемневшего резного дерева. Выудила из него две большие древние монеты, не похожие на местную монету в ходу, под названием «медяки», кстати, тоже из меди. Вручила одну мне. Села на диван, приложила её ко лбу и рукой пригласила садиться рядом, в такое же кресло. Мы сидели в тишине. Ждали, когда медь проявит своё чудодейственное свойство и излечит наши, намечающиеся шишки или синяки. Мира загадочно на меня взглянула. Из-под ярких, рыжих волос, спавших на лицо, в её жёлтых глазах, мелькнул огонёк бушующей страсти. Теперь я достаточно хорошо его видел и ощущал. Она не пыталась его скрыть. Такая открытая искренность желаний располагала к себе.

Сестрички явно питались чувствами и эмоциями, но вампиризм по-прежнему здесь был неуместен. В моем случае точно, или я только так успокаивал себя. В какой-то мере, они мне это внушили и я, взял это на веру.

– Ты хочешь меня о чём то попросить и спросить, я читаю это в твоих ясных лазурных глазах, – сказала Мира и от её голоса все волоски на моем теле наэлектризовались, будто меня пару минут терли огромной щёткой в намерении вызвать статическое электричество. – Они наполняют меня своей свежестью и капризом, как голубые озёра среди нехоженных гор и лесов.

– Милая Мира, скажи мне, какой твой настоящий возраст, – спросил я давно мучавший меня вопрос, потому как глаза её имели одновременно, запредельную мудрость и озорство. – Я бы дал тебе не больше семнадцати, но только мы оба знаем, это не так.

– Твое любопытство праздно Лууч, – Мира отличалась прямоотой, перемежающейся с искренностью, на неё было невозможно обидеться или сердиться. – Мне уже пару столетий, не вижу смысла уточнять, тебе всё равно меня не понять.

– А сколько лет твоему отцу?

– В районе семи столетий, – после её слов, я решил не спрашивать больше ни о чём возрасте, чтобы беречь своё хрупкое в последнее время, душевное равновесие.

– Выглядит безупречно, – на него мне надо ровняться подумал я. – Ты случайно сегодня днём не видела Синеоку, я её нигде не нахожу последнюю неделю. За обедом она тоже не была, ровно как за завтраком и ужином.

– Нет, никакой, Синеоки. Ты ещё не понял разве? Столько долго сидеть в саду и думать, что есть, несуществующая девушка среди нас. Даже не призрак, какие есть в подвалах. Не дух, проявленный в виде девушки. Воображенного тобою человека, кроме тебя не видит никто. Абсолютно. Ни сестры мои, ни братья. Папи, мамы, не видят. Не видят и слуги, а их здесь немало и не у всех у них ум в целостности. Это я знаю лучше тебя, потому что справлялась на этот счёт лично. Что такого с тобой должно было случиться там внизу, вне пределов наших гор, чтобы ты так сосредоточенно создавал и преследовал образ какой-то Синеоки?

До меня начало доходить, что у айсберга большая его часть находится под водой. Тоже самое, происходит с моей психикой. В этом же корень моего пребывания здесь. Причина больше и глубже, чем простое видение не существующей, но милой сердцу Синеоки. Видение, не существующей, как меня убеждает в этом Мира, злосчастной Синеоки, заключается в непринятии простого факта. Факта моей душевной травмы. Травмы оставленной по неведомой причине моими отношениями с Вильгельминой.

– Я близок к пониманию этого. Но лучше сейчас, я смогу понять, тебя.

– Для этого тебе придётся провести со мной ночь.

– Я готов к этому.

Она задула лишние свечи, оставив одну, самую большую и мы переместились на её ложе.

Один раз, по пути в зимний сад, ставший мне вторым домом, я заметил исчерна-синее платье мелькающее под деревьями. Был уже ранний вечер, я как раз заканчивал своё тихое сидение и решил окликнуть пришедшую ко мне или просто в сад девушку.

– Ты меня ищешь? Я здесь сижу, у декоративных кипарисов, – сказал я с тоном, будто знаю наверняка, кто пришёл.

Стеклянная дверца защелкнулась, и колокольчики над ней заиграли мелодию. Это может значить только одно, она вышла без ответа. По внутреннему чутью, я понял. Синеока. Поспешно покидая сад, я увидел её длинные белые волосы поверх платья, развивающиеся от быстрого шага. Пошёл быстро за ней. Мне до сих пор мало верилось, что она сотворенный плод моей фантазии. Я догонял её, но думал, о источнике грёз – Вильгельмине. Чем больше я о ней думал, тем лучше мне удавалось рассмотреть детали её платья и туфель. Может если я её смогу потрогать, она раствориться в воздухе и больше не будет тревожить меня. Надо это проверить.

Я приблизился к ней так близко, что мог дотянуться до её волос рукой. От неё шёл приятный аромат эфирных масел. Мне стало любопытно, куда она пойдёт, и я не стал её касаться, боясь что она может исчезнуть в любую минуту. Смелости у меня хватало закончить с видением с помощью прикосновения, но любопытство вело меня как кошку, дальше. Она направлялась на улицу. Следуя почти синхронно, мы вышли. Я в одном легком самохвате, пошел по снегу и быстро замёрз. Она вела меня вокруг крепости. Двор был хорошо расчищен от снега, но я всё равно шёл за ней след в след.

– Лууч! – окликнули меня сверху. – Зайди пожалуйста потом ко мне, – это была Балемила, она обратилась ко мне из своей комнаты, через приоткрытую форточку.

Кивнул. Мне было некогда, я опасался спугнуть хрупкое видение, проронив одно слово. Когда я повернулся к объекту преследования, был немало поражён. Я на мгновение отвлёкся, а она ушла так быстро вперёд, что мне пришлось её догонять бегом. Она шла в лес. На мне были лёгкие сапоги, не рассчитанные на глубокий снег и низкую температуру. Сумерки сгустились, в лесу становилось темно. Ничего из этого меня не остановило. Вновь догнав её, я уже шёл по её глубоким следам. Холод быстро пробрался мне под одежду, но пока я находил в себе силы сопротивляться ему.

Синеока привела меня на заснеженную поляну. Я решил рискнуть, дотронуться до её плеча.

– Не надо, – вдруг сказала она голосом Вильгельмины. – Ты можешь навредить мне.

– Синеока. Ты реальна. Зачем ты привела меня сюда?

– Нас могли услышать или увидеть. Я этого не хочу. Они видят. Я реальна, как и всё здесь, как и ты. Чего бы тебе не говорили. Но я не такая плотная как ты, – она потянулась пальцем до моей щеки. – Ты подарил мне жизнь. Теперь я стану твоей, – от её пальца веяло легким теплом и я заметил только впритык, что он слегка прозрачен, как и вся она.

– Но я слышал, как они представляли тебя мне в первый день, за столом.

– Это ты тоже себе вообразил Лууч.

– Они мне говорят, ты целиком моё безумие.

– Нет ничего плохого в сильной любви. Любовь и безумие, это ведь одно и то же. Просто одна сторона любви. Иначе бы ты меня не создал.

– А что ты чувствуешь Синеока?

– Я чувствую, что ты меня любишь, но не напрямую. Это гложет меня больше всего.

– Поэтому ты меня избегала?

– И да, и нет. Иногда мне сложно появляться в плотном мире. Для этого требуется много энергии тонкого мира.

– Я люблю вас обеих, потому что вы обе, есть одна и та же девушка.

– Уже нет, я совсем другая, – я заметил, как она начала истончаться с каждым словом и становиться прозрачнее. – Ты идеализировал её и создал мой образ другим. Мы не можем быть одинаковыми. Как нет ничего одинакового во всей вселенной, – голос её становился тише.

– Ты исчезаешь Синеока.

– Я теряю здесь силы, не исчезаю. В пределах крепости мне проще оставаться видимой для тебя, – она стала совсем прозрачной, я едва различал её силуэт в темноте, на фоне чёрно-белого леса.

– Синеока! – прикрикнул я потеряв её из виду окончательно.

– Мне нужно время чтобы материализоваться окончательно, – было последним, что я успел отчетливо услышать в тишине.

В мои сапоги забилося много снега. Ноги сильно замерзли и я не чувствовал на них пальцев. Вслушиваясь в тишину и смотря по сторонам, я убедился, что Синеоки нигде нет поблизости. Вместо неё, я заметил знакомые силуэты. Остроухи. Они приближались, не издавая звуков. Тогда как моё любое движение заставляло снег хрустеть на всю округу. А я хорош. Выбрался так далеко от крепости, без оружия и элементарно тёплой одежды. У меня есть самый и простой подходящий вариант действия. Я развернулся и припустил со скоростью загоняемого волка. Меня действительно загоняли. Чувствительность в теле вернулась после пятисот ярдов беготни с продираньем через глубокий снег и мороженую поросль. Я понимал, что меня догоняют, поэтому не тратил время на оглядки. Пробежка, изменение траектории, пробежка, изменение траектории. Ритм задавал адреналин. В старые следы я не попадал. Слишком был размашистым бег.

Преследователей было несколько. Бежали они бесшумно по снегу, но хлест лапника их выдавал с головой. В общей сложности, я наслушал не менее пяти остроухов. Судя по звукам, они догоняли и были ближе, чем бы мне того хотелось. Впереди замелькали огни. Крепость лежала в трехстах ярдах. Велимудр говорил мне, что есть граница, за которую остроухи, не заходят. Вдруг один из них, хватая меня за ногу, не рассчитал дистанцию и лишь оцарапал ногу. Этого хватило, чтобы я сделал красивый пируэт в воздухе и зарылся в снег. Вынырнул из сугроба, с первым, что попало под руку, кажется – это был острый еловый сук. Несколько сучьев я сломал при падении грудью на лежащую в сугробе ель. Развернулся. Стоять нельзя. Уловил движение на меня. Провернулся на месте, ушёл в сторону. Пропуская тело противника,

воткнул со всей силы в бок сук. Вошел глубоко. Отломал. Отломанным концом припечатал между глаз, следующему, бросившемуся мне в ноги. Повторил удар четыре раза, пока тело не обмякло, а сук не сбил в щепки.

Сзади меня раздался гулкий взрыв. Огненная вспышка озарила ночной заснеженный лес. От неожиданности я присел, взял в каждую руку, ещё по одному суку. В свете вспышки, я увидел обезглавленного остроуха в деталях. Гипертрофированное получеловеческое тело, с длинными когтями на худых, длинных лапах. Кожа пятнистая, весь покрыт, редкими серо-коричневыми длинными волосами.

– Давай сюда Лууч! – крикнул мне Люборад, перезаряжая длинный мушкетон.

Рядом орудовал, старший из сыновей богатырь – Могута. Длинной, тяжёлой жердью он мастерски припечатывал троих остроухов. Характерный треск костей и глухие шлепки от ударов не оставляли сомнений, им не подняться. Когда я добежал до Люборада, он успел перезарядиться и дал новый залп. Заряд картечи, уложил последних, из ближних остроухов. Могута добежал до нас. Сейчас я заметил перед нами цепочку деревьев, посаженных с равным промежутком в десять шагов. Они отпугивали тварей. Ещё с десятков из них прятались в подлеске. Не решались подойти.

– Смолодубки, – пояснил Любомир. – Специально выращенные нами деревья. Хорошо отпугивают остроухов. Смола их выходит на ружу, как у сосны и распространяет резкий запах. Запах приятный для нас, но не переносимый ими.

– Днем они что, не нападают? – спросил я.

– Нападают, но не доходят до окрестности крепости.

– Пошли братья, – по отцовски сказал Могута и надел на мой плечи, свой тёплый, огромный тулуп. – Лууч замерзает.

– Балемила увидела тебя, – приближаясь к крепости, первым заговорил Любомир. – Ты пошёл один, без тёплой одежды в лес. Прибежала к нам, переживала очень. Рассказала про тебя, когда мы укладывал наколотые дрова.

– Вы очень вовремя, как оперативники группы быстрого реагирования. Не знаю, сдюжил бы без вас или нет. Благодарю братья.

– Не благодари, дело оно лихое, – ответил Могута. – Собственными глазами видел, как ты двигался. Сдюжил бы, раз прижало.

Мы вошли в крепость. Меня встретила возбуждённая Балемила.

– Ну, наконец-то! Я слышала выстрелы. Вас ведь чуть не разорвали. Я очень беспокоилась и хотела позвать на помощь других, но увидела, как вы возвращаетесь.

– Всё в порядке, – заключил Велимудр, перекинул мушкетон с одного плеча на другое и удалился с кивнувшим нам Могутой.

– Да тебя всего трясет. Ты же весь сырой. Ну-ка скорее пошли.

Она привела меня к себе в комнату, усадила у слабо горящего очага, подкинула дров. Меня и впрямь трясло. Я не чувствовал тепла. Она стянула с меня сапоги и из них, вывалился скомканный снег. Скинула с меня безразмерный тулуп. Помогла снять сырой самохват и укутала в толстый плед. Вручила чашку горячего травяного отвара и присела рядом, тоже закутавшись в мой плед. Огонь разгорелся ярче. Я залпом выпил содержимое чашки и стал понемногу отогреваться. Пламя лизало просушенные дрова, угли потрескивали. Она обняла меня, озноб начинал проходить. Пламя разгорелось сильнее, незаметно для самих себя, мы переместились на пол.

Побыв в саду ещё пару дней, под личным наблюдением Велимудра, он пришёл к заключению о моей скорейшей реабилитации. Видение Синеоки, больше меня не посещало, к моему очевидному сожалению. При Велимудре я не показывал вида, что это беспокоит меня. Не с целью скрыть, сам факт помешательства, а с целью не теревить зарастающую рану. Однажды вечером мы сидели в гостиной на диване, никого кроме нас не было.

– Теперь Лууч. Когда ты набрался сил и смелости признать своё буйное помешательство. Я могу со спокойной совестью отпустить тебя. Твоя проекция, как ты говоришь, по имени Синеока, набрала столько энергии, что чуть не материализовалась в нашем мире. Прямо в нашей крепости. Теперь будет жить здесь вечно, не имея плоти, пока ты сам не решишь разрушить свою иллюзорную реальность, – сказал Велимудр.

– Признаться, мне было крайне приятно гостить в твоём большом, уютном и весьма своеобразном доме. Я приму к сведению всё, о чём ты мне сказал, и буду действовать соответственно твоим советам и предостережению.

– Просто ты должен знать, на будущее, что имеешь достаточную силу, чтобы материализовывать не только объекты, но и существ.

– А у нее, то есть у них есть самосознание?

– Этого наверняка не знаю, даже я. Твоих мыслей дело. Так вот и скажи мне сам, – улыбнулся в окладистую бороду Велимудр.

– Ну что тут скажешь. По-моему она более чем материальна и сознательна. Значит, по твоему мне лучше будет обходить её стороной и не контактировать с ней.

– На твое усмотрение. Можешь контактировать, можешь игнорировать. Лучше всего уничтожить, конечно. Если ты на такое способен. Если не хочешь ничего, из вышеперечисленного, просто смирись и относись к этому как к данности. Пусть это будет примером тебе на будущее. Образцом ответственности, долженствующей настоящему создателю.

– Что станет с ней, если я ничего не буду делать? Она так и будет преследовать меня всю жизнь, а я её видеть?

– Исключено, крепость устроена особым образом, она не сможет покинуть священные камни и некоторые условные границы.

– В чем или как, я могу выразить свою благодарность тебе и твоей семье?

– Если бы ты не спросил, я бы не предложил. Твоё благовоспитанное поведение и моральные принципы, вынуждают меня предложить тебе, выполнить одно задание. Помимо моего прямого интереса, ты будешь действовать в определенных рамках, для блага всего королевства его величества Аукристиана. Конечно, ты можешь действовать вне условных рамок, но с одной единственной целью. Тебе предстоит совершить великую миссию по предотвращению войны.

– Грядет война? – не на шутку удивился я, ведь атмосфера, царившая при Аукристиане была более чем сносной.

– Вернее будет уточнение, сказать: хотят развязать войну. Далеко от нас, за безлюдными юго-восточными землями и океаном есть королевство Олве-Харсаммия. Ему одинаково нет дела до земель Аукристиана, как и королю Аукристиану, нет дела до земель короля Олве-Харсаммия. Их разделяет слишком большое расстояние, чтобы вести дружбу, торговые отношения или вражду. Так и культурные слои настолько разные, что ни в чём и никогда они не пересекались и пересекаться не будут. Опять же обусловленное географическое положение делает их нецелесообразными для любой из сторон.

– Телепорт.

– Признаться, ты меня удивил. Не подумал бы, что ты осведомлен о его существовании.

– Там, откуда я родом, о нём осведомлены все и каждый, но никто не видел его в упор. Из разряда фантазий и мечтаний. Но есть учёные умы, которые над ним быются. Девять лет назад, у них получалось, именно биться лбами, впрочем, безрезультатно, кроме, головной боли.

– Ах да, такое очень может быть. Научный прогресс всегда идёт с большой задержкой в реализации, сначала идёт обкатывание на стадии теории. Но вернёмся к главной теме. Среди сторон обоих королевств, не было никогда перебежчиков. Ни с одной из сторон. Обусловлено это опять же непреодолимым расстоянием. Но время идёт и с ним перемены. Определённая интеллектуальная верхушка земель короля Олве-Харсаммия, не причастная к его семье, пле-

тёт интриги с целью захвата территорий Аукристиана. Напрямую повлиять на своего короля они никогда не смогут, но им под силу спровоцировать конфликт. Для этого они уже направили свою делегацию в наши земли, то есть к Аукристиану. Скоро придут на приём лично к королю. Условно будем называть их своими, раз, мы находимся на их территории. Хотя конечно это они на ней находятся, если внимательно посмотреть, но это не суть важно.

– Так чего конкретно будет нужно от меня? Я от дел дворцовых далёк. Я Велимудр, пока не совсем понимаю тебя. Может всему виной длительное пребывание в саду и мой скудный рацион. Ты меня, пожалуйста, не обессуди и расскажи всё подробнее.

– Ну, тогда внимай. Их главная задача получить оскорбление в лице делегации. Вторая задача оскорбить короля Аукристиана. Если его оскорбить у них не получится – такой он благой человек, то они захотят оскорбить особ из его ближнего круга или других верноподданных. Чтобы, так или иначе, спровоцировать, а ещё лучше навязать конфликт и развязать руки для выдвижения непомерных требований. Казнить обидчиков. На крайне варварские требования Аукристиан не пойдёт. Особенно если будут требовать казнить, когонибудь из приближённых или верноподданных. Это не в его духе. Зато по научению своих главных военных начальников, а последние только того и ждут, потому что накопили достаточный военный потенциал армии, он примет навязанную войну Олве-Харсаммий. Подобная глобальная война двух сильнейших королевств мира сего, будет выгодна только тем, у кого не только вечный хаос ума и врожденное безумие внутри, но и выгодное положение в плане получения средств на ведение войны. Следовательно, улучшение положения, повышение уровня важности в глазах Олве-Харсаммий и получение больших дотаций.

– Это как раз та самая, интеллектуальная верхушка, о которой ты уже говорил.

– Именно мой друг. Их проклятая наследственная фамилия Артро. Олве-Харсаммий до сих пор не избавился от всего их рода, только по одной простой причине. Они контролируют преступность на территории всего королевства лучше, чем ктонибудь иной. Историческая практика. По моим догадкам и сведениям, это происходит, потому, что они сами на две трети, состоят из этих самых преступников.

– Между осуществляющими преступный контроль и преступниками нет никакой разницы. В этом у нас похожие миры. На что же им внутренние вооружённые силы?

– Все верно Лууч. Но они ещё не достигли той ступени развития, чтобы отказаться от их услуг. Армия своего рода наёмная. Это только у Аукристиана войско состоит из рядов, приближённых родов аристократии. У Олве-Харсаммий всегда эту роль выполняли приверженцы семьи Артро. В семью может попасть абсолютно любой и каждый преступник или бандит, если присягнёт в верности. Преступника даже могут освободить из-под стражи, но если он попытается использовать эту уловку чтобы, потом сбежать, его ждёт страшная кара от семьи, в которую он вступил. Его будет ждать быстрая поимка и жестокие пытки. Поймают же его весьма быстро.

– Какое же, из двух королевств больше?

– Территориально, королевство Аукристиана больше в три раза. По численности и силе они примерно одинаковы.

– Неужели два мудрейших короля не найдут общий язык, чтобы договориться полюбовно?

– Ты даже не представляешь, на что способно семейство Артро. По моему разумению, они сделают всё, чтобы столкнуть их лбами, а потом вырвать флаг первенства на общих руинах и организовать своё единое королевство.

– Теперь понятно, война ради войны, а всё ради мирового господства. Ни что не ново среди людей.

– Говоришь как один из нас, – одобительно кивнул Велимудр.

– Мне кажется, я с первого дня приезда медленно становлюсь одним из вас. Знать бы только кто вы. Во врученном мне фолианте об этом сказано весьма расплывчато.

– Это совсем другая и длинная история мой друг. О ней я тебе обязательно поведаю в нашу следующую встречу.

– У нас ещё будет встреча? Ты умеешь вызывать интерес.

– Это ещё одна наша маленькая семейная особенность, – он сложил руки на коленях домиком. – Ну, вот мой друг, пора нам уйти в ночь, пока она не ушла без нас. Подробности я расскажу тебе утром, не в столь поздний час.

– Доброй ночи Велимудр, – сказал я уходя.

– Доброй ночи Лууч, – сказал Велимудр и остался сидеть у горящего очага.

Нормальный сон у меня давно пропал. Да на сновидения, тоже нужны чувства. В противовес этому, я научился вызывать любое сновидение, которое мне было нужно. Больше всего мне хотелось поговорить с Вильгельминой, но я решил не бередить свой ум понапрасну и мудро вызвал в своем сне КерукЭде. Он явился ко мне, в полном шаманском облачении и это подействовало лучше всего. Я как проснулся второй раз подряд внутри сновидения, и поймал ту особенную ясность сознания, о которой бессмысленно рассказывать, но я попробую.

Все вокруг приобрело загадочное мерцание. Как если бы дождь остановился, размазался и поплыл разноцветными, светящимися каплями в разных направлениях по спиралям, кругам и восьмёркам. От КерукЭде шла особенная сильная энергетика, она закручивала все мерцания вокруг себя и казалось, светила ещё сильнее. Но свет этот как бы ярок он не был, не слепил меня. Напротив, от него мои глаза и ум наполнялись озарением и пониманием. У шамана были закрыты глаза, но я знал. Он меня видит. Вместо слов, он открыл свои большие, чёрные глаза и я окончательно прозрел. Мне пора возвращаться.

Я проснулся и вместе с тем заметил, тень входящую ко мне в комнату. Ну, вот оно опять. Я вскочил, подбежал и схватил ночного гостя. Это оказалась гостья. Белава. Последнюю ночь она хотела провести со мной. У меня не было причин и желания ей отказывать в этом.

Утром, мы завтракали вдвоем с Велимудром. Он рассказал мне, что конкретного плана действий у меня не будет. В мою задачу входит проникновение во дворец под видом представителя семейства Велимудра с гостевым визитом. Выяснение чётких целей и планов, верных подданных семейству Артро. Но главное, в моей скорее всего диверсионной миссии будет – оказание противодействия семьи Артро и рушение их задачи по развязыванию бессмысленной, выгодной только им, жестокой войны. Делать я волен, что захочу, но должен помнить о последствиях своих действий и судьбе королевств.

Грандиозного прощания, как я думал, к моему счастью не случилось. Вместо этого, словно я был полноценный член их семьи. Прощались почти по-семейному. Я жал руки сыновьям, обнимал сестёр, целовал в щёку Вестину.

– Без оружия больше не ходи. Не хорошо, – подмигнул мне Люборад. – Хочешь, я подарю тебе одно из своих ружей? Чтобы в дороге ты чувствовал себя в безопасности.

– Как скажешь Люборад, теперь буду вооружён даже идя в баню, – кивнул я весело ему. – Конечно, я ценю твою щедрость, но лучше оставь, я мало понимаю в таком оружии, оно больше будет уместно при тебе. В конце концов, у меня есть это.

Я выудил рогатку из внутреннего кармана. С тех пор я ношу её и кинжал постоянно. Даже внутри крепости. При виде рогатки сестрички засмеялись.

– Какое грозное у него оружие вы посмотрите только, – смеялась Злата.

– С ним ему не один остроух будет не страшен в пути, – поддержала сестру Белава.

Засмеялись уже все. Не думал, что моя боевая рогатка вызовет такой буйный восторг. Смеялись они очень заразительно, и я не мог равнодушно стоять рядом. Больше всего смеялась Вестина.

– Не ожидала от тебя Лууч такого. Ох, не ожидала, – вытирала выступившие слёзы Мать двенадцати детей.

Сквозь смех, мы окончательно попрощались. Велимудр крепко пожал мне руку и пожелал приятной дороги. После того, как я смирился, я не пытался отрицать существование седьмой «сестры». Тринадцатого якобы ребенка Велимудра и Вестины. Взамен этого, принял данное обстоятельство за нормальный порядок вещей и почти перестал обращать на него внимание. Когда подъехала знакомая карета, с тройкой вороных, я подхватил походную сумку и сел внутрь. Все махали мне рукой. Не вышла ко всем лишь одна, нематериальная Синеока. Она вышла грустная к окну. Несмотря на всю нематериальность, она отодвинула тюль, открыла окно и смотрела на меня из дальней, пустующей, гостевой комнаты. Моей комнаты. От этого у меня похолодело в висках. Моя новая способность материализовать не только предметы, хоть и не мгновенно, но и таких вот существ, пугала.

Карета резво тронулась. Я повалился назад в подушки, когда махал на прощание двумя руками и ни за что не держался. Это лишь вызвало новый бурный смех. Будто все время они сдерживали эмоции специально, чтобы не нарушить мое тонкое душевное равновесие. С горы карета неслась быстрее. Лесные массивы и скальные выступы быстро мелькали. На повороте я успел рассмотреть крошечный город Керионен. Отсюда он был с ладошку. В действительности, могу предположить размер его огромный. Из моей головы не выходила Синеока. Вернее не столько она сама, сколько её печальный прощальный взгляд. Я могу здраво драматизировать, потому что официально признан Велимудром психически уравновешенным и устойчивым субъектом. Но мне сдаётся, она грустила и не могла поверить, что я вот так просто, покидаю её.

Прекрасные горные пейзажи на закате и вид вечернего таинственного города не давал мне грустить вместе с ней. Меня не сильно волновала новая миссия. Скорее хотелось вновь окунуться, мне, бывшему когда то человеком другого мира, в атмосферу уютной деревни Малахони. Мирно царящей вокруг природы и непостижимого очарования и многообразия, ставшими основательно родными краями. Я был рад, что еду домой. К шаману и его старшему ученику. Вот что из этого самое удивительное – никогда бы не подумал, что всерьёз заскучаю по ХайСыл.

Глава 4 Возвращение

В пути я застал ночь. Когда за окном ничего не стало видно. К тому же началась очередная выюга. На этот раз, я был достаточно тепло одет. Семейство Керионен снабдило меня всей необходимой тёплой одеждой, включая корзину с едой. Я почувствовал сильный голод и опустошил содержимое вместительной корзины слишком быстро, чтобы успеть почувствовать насыщение. Зато когда оно пришло, я немедленно провалился в сон без сновидений. Время от времени я слышал завывающую метель, когда просыпался на мягких прыжках кареты. Получше укутывался, несколькими шкурами и вновь засыпал, подогнув ноги, на мягком и длинном сиденье. На сверхбыстрой скорости, нам не опасны остроухи. Карета оставалась и я проснулся. Я быстро выхватил кинжал, взяв его обратным хватом. Осторожно выглянул в окно. Обычный лес, снега почти нет, лишь лежит местами. Могу поспорить, мы спустились к подножию горы. Раннее утро, всё покрыто молоком тумана. Выглянул в другое окно, дальше семи шагов серая белизна.

Не спеша выходить, я постучал кулаком в стенку. Кучер не ответил, хоть раньше он тоже был не особо словоохотлив. Впрочем, это мог быть уже совсем другой человек. Ведь его также скрывали идентичное одеяние, воротник и длиннополая шляпа. Помня прошлый опыт, я не спешил выходить. Интересно, почему до сих пор кучер не повесил на свою карету по бокам, пару брёвен смолодубки? Да хотя бы веник из веток. Заранее бы додуматься об этом, я бы смог настоять. Велимудр меня послушает, а кучер послушает его. Вдруг, в левое окошко, я заметил тёмный высокий силуэт между деревьев. Настолько высоченных и стройных остроухов я ещё не видел. Однако рогатку я достал, и держа наготове, приоткрыл в его направлении окошко. Поднялся лёгкий утренний ветер. До моих ноздрей, в распахнутое окошко дошел знакомый, неприятный душок. Я поёжился. Они близко. Ветерок увел часть густого тумана и в образовавшийся пробел я увидел, как кучер, банально справляет малую нужду.

– Ну нашёл место и время, – очень тихо сказал я, нарушая конспирацию в целях личной безопасности.

Весьма спокойный и никуда не торопящийся кучер, медленно завершил свои дела и неторопливо пошёл назад. Я заметил, как к нему сзади стали приближаться две сгорбленные фигуры. Вот напасть. Я прицелился, но не успел выстрелить. Порция плывущего тумана закрыла мне весь обзор. Тогда я решил поступить иначе.

– Кучер! – имени его я не знал. – Сзади!

Шаги по снегу не стали быстрее. Вместо того чтобы ускориться, он степенно и не торопясь пошёл обратно.

На меня дыхнуло немойтой животиной, а в след за этим в открытое окно влезла голова остроуха. Он скалился, щелкал кривыми зубами и тянулся ко мне тощей рукой. За что получил четкий удар, твердой стопой в зимнем сапоге, в грязную морду. За визгом последовало его падение, и я закрыл настежь окно, будто оно должно было меня спасти. Я опять схватился за кинжал и хотел выскочить с другой стороны, чтобы ликвидировать любого кто посмеет нам помещать уехать отсюда подальше. Но заметил, что остроух, с помятой мордой не может пробить стекло. Из чего оно сделано интересно? Стекло было тонкое, но прочное. Да и тепло оно держало не хуже. Почему тогда, мне никто ничего не сказал. Достаточно лишь сидеть и не высываться. Интересный народ это семейство Керионен.

В окно же я наблюдал интересную стычку с кучером. Один осмелел и набросился ему сзади на спину. За что был тут же снят, взят на весу за горло и брошен о ближайший ствол сосны. Тупой сильный удар тела, тряхнул дерево и с него прошёлся легкий дождь. Второго нападающего, кучер поймал прямо на лету за передние лапы. Раскрутил и бросил. В полете остроух, сбил докучавшую у моей двери помеху с разбитой мордой. Кучер по-прежнему неспешно

сел. Выдержка у него что надо. Силой, убеждаюсь второй раз, он тоже не обделен. Столкнувшиеся остроухи, под моим окном, так и лежали без движения. Карета резко рванула, но я был готов и остался устойчиво смотреть в окно. Подоспевшие собраты, бежали за нами. Ничего не учатся и совсем не бояться более сильного противника. Погоня была глупой и бесполезной. Мы в считанные минуты оторвались и ушли далеко вперёд. Мне бы такого верзилу в напарники. Молчаливый, не-то что ХайСыл. Но дело своё знает.

Сон у меня отбило окончательно. К тому же я проголодался. Днём мне посчастливилось увидеть город, Керионен, своими глазами. Наверно Велимудр настоял, чтобы я его увидел, в качестве культурного достояния и просвещения в довесок о влиянии его семьи, в становлении города. В город мы въехали примерно к обеду. Через распахнутые, высокие и узорчатые, стальные ворота, высотой в девять ярдов. Их сияние на солнце было видно издалека, вероятно, они их песком речным начищают. Над воротами по краям в высоких серых башнях, дремала пара лучников. На самых верхних их уровнях, ещё пара лучников стояла в дозоре с подозрными трубами. Мне показалось нашу карету, хорошо знают. Усатая стража в доспехах и с длинными алебардами, только посмотрела на нас.

Карета была чёрная, с множеством строгих элементов роскоши. Оконца, двери, ручки, крышу, все покрывали мелкие изящные юзоры, только усиливающее впечатление очень качественной, ручной работы. Однако с небольшого отдаления, все это было не заметно. Просто строгая тройка.

Лошади звонко топали копытами по каменной мостовой. Множество взглядов, мгновенно было обращено на нас. Скромно, но хорошо одетые селяне и горожане, быстро уступали дорогу, подразумевая, что едет важная особа. Важным я лично себя не чувствовал, и сначала думал это простая вежливость.

С главной улицы, ведущий далеко в центр города, мы свернули на соседнюю, менее оживлённую и свободную. На следующем перекрёстке, наполненном трехэтажными, серыми, каменными домами, с ярко рыжей черепицей случился затор. Богатая карета, в ярко белых, коричневых и бронзовых тонах, запряженная пегими лошадьми, не могла проехать, из-за извозчика, уронившего телегу с провизией, из-за сломавшегося колеса. Мы встали, немного не доезжая до них, чтобы не создавать плотный затор и иметь возможность развернуться. Кучер богатой кареты ругал не умелого извозчика, а тот в свою очередь быстро суетился с помощником, пытаясь поднять телегу и наживить запасное колесо.

– Урюпа! Убирай свои корты помоев. Олух бездарный! Да поскорее. Чужеядь проклятый. Освобождай дорогу со своим пеньтюхом, до поживее, – гневно пожимал кулаки в белых перчатках, нахальный кучер. – Благородным дамам и господам не пристало ждать!

Вдруг, он резко одернулся, ему что-то говорили из его кареты. Сглотнул, натянул плотнее на голову белое кепи, и вскочив с кареты на каменную кладь, принялся яростно помогать поднимать тяжёлую на половину гружёную телегу. Хозяева местных лавочек, на первых этаж, завидев нашу карету, повыбегали на улицу и тут же целой толпой, вместе с подошедшими помочь горожанами, подняли злосчастную телегу. Отломали обломки колеса. Наскоро прицепили новое. Помогли даже одной единственной захудалой лошади, в выступающими от старости ребрами. Оттащить телегу в соседний переулок. Дальше хлеще. Словоохотливый кучер в белом, измазавшийся о грязную телегу. Вскочил за поводья и плотно прижался к одной из стен. Вытянулся в полный рост и не говоря ни слова, поклонился. Во всю длину рук, пригласил нас проезжать далее.

– Помеха устранена уважаемые, прошу вас, продолжайте движение, – залебезил не своим, приторным голосом кучер, стоило нам подъехать поближе. – Приятного пути и времяпрепровождения в нашем славном городе.

Мой кучер, сохраняя ледяное спокойствие тронулся. Я влекомый любопытством посмотрел из окна на хозяев красивой кареты, уступившей нам. Там сидели две сударыня, а напротив

два сударя. Все они были одеты в светлое, и с иголки. Несмотря на высокое социальное положение, судари были удивлены, глядя на мимо, быстро проезжающего меня. А милые девушки с широко раскрытыми глазами, не скрывали явный интерес к моей скромной персоне. Все они будто были удивлены незнакомому лицу, в знакомой карете. Ну, это их, девичьи проблемы. Я здесь, ни при чём, и вообще проездом.

Мы проехали город насквозь. По внутреннему великолепию, вычурной и слишком строгой, правильной архитектуре, я смел, предположить о проживании здесь, во все времена самых талантливых зодчих, ремесленников, строителей и одаренных архитекторов. Абсолютная чистота и тотальная вымощенность ровными тёмно-серыми булыжниками создавали впечатление общей правильности, аккуратизма и порядка. Все главные улицы города, королевского назначения были наиболее прямыми и серыми. Вторичные же, в основном жилые, пестрели разноцветными мостовыми и красочными выкрашенными стенами. На мой взгляд, это довольно удобно, особенно если находишься в городе первый раз. Очень удобно ориентироваться, следуя цвету улицы.

Доступность множества выхолощенных и выполированных закусовых, трактиров, таверн располагали остановиться и перекусить. Тем более я был так сильно голоден. Нормальные, привычные чувства возвращались ко мне, вместе с ними ещё больше просыпался аппетит. Но к моему разочарованию, в наши планы это не входило, и кучер неумолимо следовал параллельно главной улице. Чтобы не дразнить себя аппетитно выставленной на витринах разной продукцией, особенно кондитерской и фруктово-овощными рядами, я перенёс внимание на жителей. Горожане сильно отличались от забредших селян. Селяне носили широченные жёлтые, соломенные шляпы, простые холщёвые шировары и длинные до колен белые и серые рубахи. Отличались они одеждой между собой, лишь разной степенью потертости и изношенности.

Горожане были одеты качественно лучше, минимум на несколько порядков. У мужчин шли в ход, длинные пиджаки, френчи, рубашки, сюртуки, пальто, плащи и конечно же шляпы. Шляпы отдельная тема, которую необходимо подчеркнуть. Все носили их поголовно. Веяние беспрекословной моды, закон или что другое навело на эту идею жителей города, мне осталось неизвестно, но глаз радовался при виде бесконечных форм, видов и фасонов шляп. Можно было только удивляться, откуда здесь берётся такое количество одаренных стилистов и портных.

Мы довольно долго ехали насквозь, я уже устал созерцал красоты города но они не заканчивались. К слову говоря, мы ещё ехали довольно скромными и не оживленными улицами.

Керионен можно было назвать настоящей столицей, точно и без сомнений. Окружённый, потрясающими горными рядами и холмами. Омыаемый, с одной стороны большим, круглым озером. С другой стороны, пропускающий рядом, узкую, но глубокую реку, созданную самой природой. Для сообщения крупных торговых судов и лодок от мала до велика, с другими мелкими городами и сёлами. Керионен по праву, имеет все основания быть столицей королевства его величества короля Аукристиана. Но семья Керионен, смотрела на это иначе, и всё этим было сказано, и всё было предрешено.

Когда мы выехали из города, моя культурно ознакомительная и внеплановая экскурсия закончилась. Карета набрала совершенно невероятную скорость, так что мне едва доводилось успевать, любоваться летящими мимо нас, с не меньшей скоростью особенностями природы.

Лишь к вечеру я стал обращать внимание на знакомые водоемы, горы и рисунки рельефов лесных массивов по верхам. Их я успел изучить и запомнить волей-неволей, находясь по большей части в деревне и её крайне широких окрестностях. Не проходимых и надо сказать весьма опасных, для большинства обывателей.

Карета въехала, в ставшей родную деревню Малахоню. Мы проехали по ней уже после заката и местные жители поскорее уходили с дороги. Закрывали двери и ставни, когда зави-

дели наше приближение. Это было для меня немного в новинку. Мой портрет ясно читался в оконце. Скорость мы сбавили. Может быть кучер, лошади и карета, сами по себе внушали им опасение и недоверие. Но это было, по меньшей мере, странно. Она остановилась у основания холма подсвеченного светящимися деревьями, по виду которых я так соскучился. Ко мне на встречу, спускался ХайСыл. Он был нарядно одет, в белый самохват. По подсвеченной уличными, ночными растениями лестнице. Посажённых вдоль с обеих сторон, в качестве декоративных фонариков и дополнительных источников света.

Я отрыл дверь. Пошатываясь, вышел, разминая на ходу ватно-резиновые ноги и держа походную сумку за плечом. Стоило мне сойти с последней ступени, порошка кареты, как она стремительно рванула и исчезла в темноте.

– Ну и рад же я встречи Лууч, дружище! – радостно запел ХайСыл. – Дай ка я тебя посильнее обниму, чтобы ты понял, как я скучал, – обнял, как и обещал, в равной силе скучанию, я даже захрустел.

– Привет ХайСыл, – выдавил я из себя. – Опустить меня, скорее, меня с дороги штормит ещё. Я конечно, тоже очень скучал. Истинно так, не смотри на меня как на безумного. Я полностью здоров.

– Другое дело старина. Давай сюда свой скромный скарб. Вижу, дорога тебя порядком измотала, – он выхватил мою сумку и закинул за плечо себе.

– Всеми виной культурный шок, от города Керионен, – оправдался я.

– Ах да, бывал там пару тройку раз. Местечко дивное скажу я тебе. Но через месяц, как по мне – можно предаться скуке. Пошли скорее, учитель ждёт тебя со вчерашнего дня. Все спрашивает. Ну, где же наш мальчик? Где же наш Лууч? Будто сам не знает, – засмеялся ХайСыл.

– Ну как оно, скажи? – спросил у самого порога, заветной двери шёпотом ХайСыл.

– Ты знаешь, очень необычно.

– И ладно, заходи уже.

Я зашел. Кончика носа, коснулся аромат, сжигаемого багульника. Дым стоял кругом, сизыми облачками. Я сделал шаг, благоухающий дым поплыл в мою сторону и стал виться вокруг моих рук, ног и шеи. Громкий хлопок в ладоши, словно меня разбудил. Дым неестественно быстро улетучился, будто его вытянули хорошей вентиляционной системой за пределы дома. Но сильный, знакомый и приятный запах багульника остался. Словно из ниоткуда, возник шаман. Он ничуть не изменился, наоборот мне показалось, он стал моложе. Чёрные глаза его блестели. Длинные смольные волосы в двух косах, явно стали толще. Ладно, хоть его большой нос остался прежним. При всех этих незначительных моментах, я просиял. Он озорно улыбнулся и вытянул руки. Я подошёл и обнялся с ним. Он уже давно стал ниже меня на голову.

– Приветствую тебя Лууч, – он тепло, без усилий похлопал меня по спине, но каждый хлопок отозвался во мне каким-то внутренним сотрясением во всем теле. – Вижу, мой ученик окреп в дни отсутствия и стал настоящим мужчиной.

– Приветствую КерукЭде, несказанно рад видеть вас вновь и теперь.

– Прошло немало времени, с тех самых пор как ты стал моим учеником. Теперь ты не можешь называть меня на «вы». То есть ты, конечно, можешь, но нельзя. Духи, тебе этого сделать, не дадут. Определённая степень родства накладывает некоторые обязательства, следовать которым мы должны по традиции, тогда сила в них будет отражаться в тебе и наоборот.

– Ввв, ты как всегда даешь мне полезный урок и наставление. Я по ним скучал.

– Не будем держать тебя на ногах в прихожей. Пройдем к столу. Одним звёздам известно, как ХайСыл старался с раннего утра на кухне, – глянул шаман на старшего ученика и тот залился краской, что ему опять же не свойственно, не то от чувства собственного достоинства, не то от заслуженной, но столь редкой похвалы от чуткого учителя.

Мы спустились на этаж ниже, к знакомому и любимому мной месту в доме. Просторной, но уютной комнате с круглым столом, мягкими коврами и большим камином. Способным согреть, даже снежного человека. Но не ту волосатую, белую породу стеснительных интеллектуалов, которых в моём прошлом мире, пытались, зачем то изловить и всем показать. Смешно, но факт. Других снежных людей, натурально живущих в горах. Так я теперь называю семейство слугителей семьи Керионен и после месяца жизни в горах у меня были на то основания. Вспомнить даже особенность моего кучера, никогда не дышать в принципе, а в сильный мороз, от него никогда не идёт пар при выдохе. Ну и их главная особенность. Если они не захотят себя показать, ты их никогда не увидишь и тем более не поймашь, не на того напали. Родственных линий и связей между обоими видами снежных людей я не провожу, но явная параллель между ними прослеживается и далеко не призрачная. Я вдруг представил все их семейство за этим круглым столом у очага, как бы они не помещаясь, сидели друг на друге и не испытывали неудобств, в силу мертвецки спокойного и невозмутимого характера. Я вдруг засмеялся от своих мыслей вслух. Так как не мог позволить себе засмеяться там.

– Вот Лууч, ты узнал о них пожалуй больше, чем кто бы то ни был другой, – довольно сказал КерукЭде.

– О да, пожалуй, больше чем хотел бы, но недостаточно, чтобы удивить тебя с ХайСыл.

– Само знакомство с ними, уже удивительно. Не правда ли? – риторически спросил он. – Как тебе эти жители вечной мерзлоты в целом? Не надоели своей чопорностью?

– О нет. Это слово характеризует их прямо противоположно. Я бы даже сказал они самые тёплые и радушные хозяева своей крепости. Которых мне, только доводилось встречать. Хоть хозяев других таких крепостей мне встречать не доводилось и вряд ли когданибудь еще доведётся.

– Никогда не угадаешь, кого и где ты повстречаешь, – заметил ХайСыл.

– ХайСыл врать при мне не станет, – заметил КерукЭде.

– А если станет, то очень осторожно, – улыбнулся я.

– Наверно некоторые члена семейства Керионен, оказали слишком тёплый прием Луучу, раз он так изменился и похорошел за это время. Единственное но, загар с него спал на раз. Смотри КерукЭде, он теперь как известь негашеная.

Мне хотелось сгореть со стыда перед учителем, но я слишком хорошо научился владеть своими едва-едва вернувшимися эмоциями, после долгой с ними разлуки, благодаря, как заметил ХайСыл, некоторым особам женского пола и их тёплому приёму.

– Вот касательно загара, не знал не знал, – вынул я свой кинжал и посмотрел на себя, со стороны в его отражение. – Хорошо, что сказал, – я убрал кинжал в ножны. – КерукЭде у меня есть интересное предложение. Отправить старшего ученика постажироваться на недельку другую в крепость Керионен. Семейство, их слуги и окрестные аборигены леса, очень нуждается в свежей крови. Которую ХайСыл, просто необходимо обновить. Дабы вернуть свежий румянец, не видный сквозь толщу летнего загара и пухлые щёки, от холеной жизни близ мудрого наставника.

– Это отличная идея Лууч. ХайСыл и впрямь засиделся на месте, – кивнул шаман.

– Видишь учитель, – не отчаивался хохмить и дальше соскучившийся по моей компании ХайСыл. – Чуть что за нож хватается. Веяние гор, не иначе.

– Ну что ХайСыл, я предоставляю тебе выбор. Пойдешь к семейству Керионен в тёплый гостевой приём на недельку-другую или с Луучем, на выполнение его важной миссии?

– А нет варианта, остаться помогать вам во всем?

– Конечно, есть, домосед ты мой рафинированный. Но только до завтрашнего утра, там за тобой приедет чёрная тройка.

– Всё понял. Я мечтаю следовать за Луучом, помогать ему преодолевать все его трудности и препятствия на пути, – сладко запел старший ученик. – Которые, только может представить свет и тьма. Поставить перед ним для проверки на прочность, его мужского характера.

– Да с такими пустяками обычно справляется мой клинок, рогатка, а в крайнем случае меч выданный мне Арисом, – заверил я ХайСыл. – Можешь не волноваться и спокойно провести отпуск, в гостях у наших добрых друзей в горах, пока я буду путешествовать.

КерукЭде уже почти кивнул и утвердительно хотел озвучить свою нерушимую волю, о дальнейшей судьбе старшего ученика. Как он припал к его ногам с горячими речами.

– Клятвенно заверяю. Луучу без меня не совладать. А в напарники, как в старые добрые времена Головуса Плеч, он взять не сможет. У него жена, хозяйство сами понимаете. Лес опять же, не на кого оставить.

– А это отличная идея ХайСыл. Думаю Головус, будет рад составить мне компанию. Мы с ним вообще слаженная команда выходим на деле.

– Уговорил ХайСыл, – налюбовавшийся в меру устроенным театром заключил шаман. – Будь, по-твоему, молодец. Пойдешь с младшим учеником. Обновишь румянец и кровь путешествием. Засиделся дома уже. Сушая, правда, устами Лууча глаголет. Обойдусь, какнибудь без тебя. Что касается тебя Лууч. Там где ты был, все болезни ума, отступят за неделю. За полторы – отступят самые тяжелые психические болезни. Правда моё мнение на этот счёт, с представителями семьи Керионен может разниться. А ты там жил целый месяц. Как жив остался загадка, – хитро засмеялся шаман. – Как тебя там кормили? Как твой аппетит?

– Кормили на редкость вкусно. В первый день. Как было дальше, не могу сказать, со временем, я ел всё меньше и меньше.

– Там ни у кого нет аппетита – на него нужны чувства, человек может только пить воду. Вода там самая лучшая, талая, с гор. Твой факт приема пищи, сам по себе уникален. Давай начинай уплетать все, что так скрупулёзно наготовил ХайСыл. Говорить мы можем долго, сам знаешь.

Я уже давно стал угощаться понемногу, но теперь с одобрения, принялся сметать всё, что лежало на столе.

– Вы бы хоть меня предупредили, куда я отправлялся, а то пришлось на одни и те же грабли прыгать, не зная, что это уже пройденный материал, – поделился я.

– Пожалуй, вы оба правы, мне нельзя отправляться в место, где плохо кормят. В место, где кормят хорошо, но ничего не хочется, тем более нельзя, – проникся старший ученик.

– Я не понимал, что ты так сильно был одурманен чувствами к Вильгельмине, – сказал шаман. – Пока меня всерьёз, несколько раз не предупредили, по этому поводу

– А кто вас предупредил? – спросил я.

– По обыкновению, о них не говорят. Они же всегда, мне говорят, – ответил шаман и как будто прислушался к чему-то внутри себя. – Подобная терапия с не совсем людьми была подобрана мною тебе специально. Опять же потому что так хотели они, – на этот раз он посмотрел на потолок, однако кроме большой тяжёлой лампы с горящими свечами и подкопчённого потолка я ничего не увидел. – В последнюю неделю до отправки, ты зашел в своём безумии так далеко, что перестал отличать реальность от вымысла. Потом и подавно представляя себе несуществующую девушку. Как говоришь её имя?

– Синеока, – не удивился я его осведомленности.

– Правильно, Синеока, ранее не существующую, а теперь запертую на века в крепости Керионен в виде бесплотного духа. Именно её ты желал более всех, потому что она прямая копия настоящей Вильгельмины. Видишь, до чего доводит твоя тонкая игра подсознания. Настроенная, на нужную волну и снабженная всей необходимой для этого энергией. Желания опасны. Если бы каждый человек смог материализовывать, все что он пожелает и имел при

этом примерные твои способности. Трудно представить даже мне, во что бы это вылилось для человечества в целом и мира.

За долгие годы общения со мной, КерукЭде научился прекрасно выражать свои мысли в моей привычной лексической манере. От этого я даже иногда забывал, что мы из разных миров.

– Значит, любовь для меня опасна и мне не стоит, с ней связываться. К этому все идёт? – спросил я спокойно, раньше бы я уже помрачнел и загрустил от таких дум.

– Понятие, которым ты называешь любовь, вообще двоякая штука и весьма опасная в принципе, – сказал КерукЭде. – Но это не главное. В твоём конкретном случае иначе. Всё это веяние проклятья, которое на тебя наложила Элетрессия Морита Ла Влакар, когда ты отправлял её в мир теней. Проклятье, было как бы законсервировано и ждало нужного момента чтобы активироваться. Если бы я не отправил тебя в замок Керионен. Тебя бы сначала сразила любовная тоска, а за ней, пришла бы смерть.

– Но КерукЭде. Его там продержали целый месяц. Почему он не издох? – сочувствовал мне ХайСыл, чего водилось за ним крайне редко, если не никогда.

– Там свои специалисты. Уж поверь на слово ХайСыл. И все-таки, надо бы и тебя туда отправить на недельку другую. Но не больше, по известным всем причинам. Хорошо, что время терпит. А то ты больно беспокойный стал, – загадочно посмотрел на нас двоих шаман.

– Точно, тебе не повредит, – поддержал я.

– Ну, уж нет! Увольте. Не в этой жизни. Я вас умоляю, – импульсивно среагировал старший ученик.

– Вот и зря, – добавил я и не сдерживал больше веселого настроения, которое так ловко задал шаман.

– Луучу, могла помочь и другая терапия, но я выбрал её, – сказал КерукЭде. – Теперь вижу результат и не жалею.

Я перепробовал все кулинарные произведения искусства и просто извращения вкуса ХайСыл. Остался более чем, доволен. Потом ХайСыл играл на деревянной простой дудочке, переставал играть и пел гортанным пением. Выходило здорово. Вскоре шаман к нему присоединился и ХайСыл мог играть чаще. Дудочка издавала простые, но правильные и приятные звуки. Музыкального образования у меня нет, и слух может хромать, после известной стычки с главным бурым духом шамана, но оценить качество игры я могу. Когда они пели в паре, стены ходили ходуном, а вместе с ними, пол подпрыгивал вместе со мной. Или мне так только казалось. Опьянённому, слишком большой трапезой.

В итоге вечера ХайСыл ушёл. Точнее его отправил шаман по делам. Я решился поговорить наедине с шаманом. У меня давно назревал к нему подобный разговор.

– КерукЭде, меня мучает один вопрос. Не сказать, что он будет мне не давать покоя, или я не смогу спать по ночам. Если ты мне, на него не ответишь. Но мой мыслительный процесс, будет часто к нему подходить с новых ракурсов, пока не выльется в какую-нибудь, ни кому не нужную оказию.

– У тебя получилось меня заинтересовать Лууч. Продолжай, – ответил потирая щеки шаман, его явно клонило прилечь.

– Я как мне видится и скорее всего, есть на самом деле, совершил настоящую измену. Причем неоднократно.

– А ты все об этом. Юность твоя, полна забот подобного толка и противоположного смысла. Привыкай. Они же не совсем люди, как ты понял из тесного общения с ними и потом мой мальчик. Ты предпочел бы смерть измене? Если бы это была настоящая измена, ну допустим? Мне просто интересно, – я не нашелся, что ему ответить сразу. – Подумай над этим в одиночестве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.